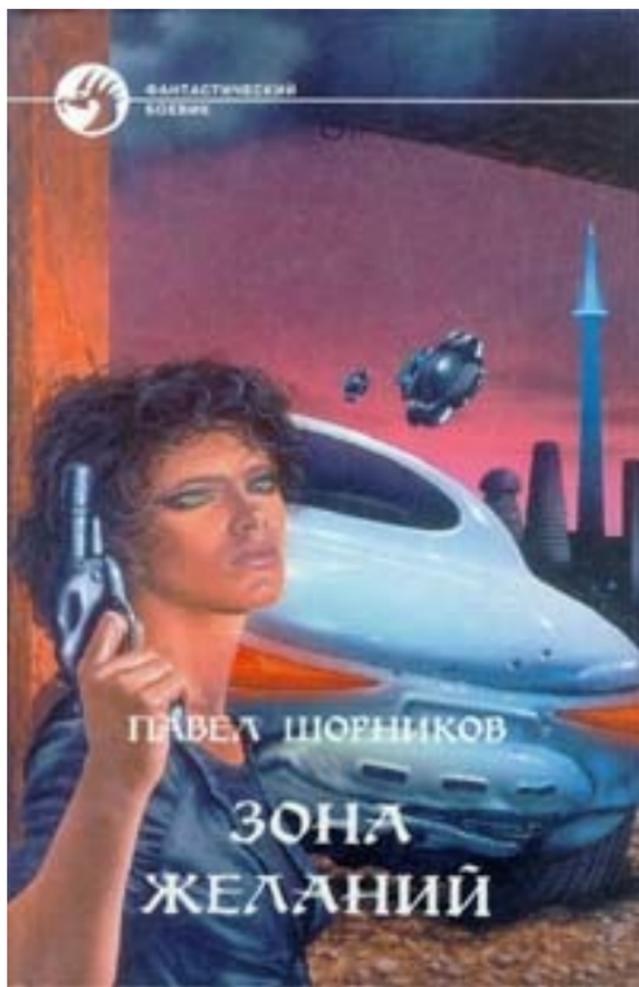

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ВОЗВРАЩЕНИЯ

ПАВЕЛ ШОРНИКОВ

ЗОНА ЖЕЛАНИЙ

Павел Шорников

Зона желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158413

Зона желаний: Армада; Москва;

ISBN 5-7632-0646-0

Аннотация

Звездолет «Гея» по воле злодея Чаминга, способного менять свою внешность, попадает в неизвестную область космоса. Претупник убивает жену капитана, а сам скрывается среди членов экипажа. Подозрение падает на пятерых космонавтов. Но кто из них не тот, за кого себя выдает? Геяне не могут вернуться домой и, найдя подходящую планету, начинают создавать новую цивилизацию. На спутнике осваиваемой планеты случайно обнаружен неизвестный звездолет, таящий в себе немало чудес. Одно из них – генератор желаний, излучающий таинственное «поле желаний».

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	42
ГЛАВА 4	65
ГЛАВА 5	86
ГЛАВА 6	116
ГЛАВА 7	140
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Павел Шорников

Зона желаний

ГЛАВА 1

Капитан трансгалактического экспедиционного крейсера «Гея» Пол Эриксон несколько секунд пребывал в полной растерянности. Но никому из его людей, кто в эту минуту находился вместе с ним в рубке управления основного модуля, не пришло в голову, что капитан впервые не может найти выхода из сложившейся нештатной ситуации. Со стороны казалось, будто Пол спокойно взвешивает все «за» и «против», прежде чем принять окончательное решение. Взгляд Эриксона был устремлен на главный терминал, на котором медленно вращалась, переливаясь всеми оттенками зеленого, планета Алдан. Над ее горизонтом, ярко сияя, зависла крупная звезда – крейсер «Селена», ведомый «Геи». Там, на «Селене», тоже напряженно ждали, что скажет капитан и начальник всей экспедиции – Пол Эриксон.

Правее «Селены» медленно всплывал над Алданом один из трех его спутников – планета Веера, нежно-голубого цвета, с изумрудными пятнами материков. Вокруг Вееры, подмигивая миллионами огней, вращался орбитальный пояс: научные станции, промышленные комплексы замкнутого ти-

па, космоверфи, пересадочные станции, зоны развлечений, но в основном жилые стационары. Вполне мирная картина. И казалось, капитан любит ее и не может налюбоваться ею. Но так только казалось.

На самом деле мысли Эриксона были сейчас далеко в прошлом, в том прошлом, где он еще не был капитаном, а всего лишь рядовым десантником, входившим в состав специальной штурмовой группы; где Алдан не был еще его домом, а был всего лишь вражеским объектом первого типа; где орбитальный пояс Вееры представлял собой обыкновенный непроходимый пояс астероидов. И задание тогда у них было совсем другое: уничтожить космический док, в котором выращивалась будущая «Гея». Тогда они попали в засаду. Из полутора сотен десантных капсул уцелела лишь жалкая горстка. О выполнении задания никакой речи уже быть не могло. «Уходим!» – приказал командир группы, капсула которого тут же была атакована и уничтожена. В самую драматическую минуту Эриксон взял команду на себя и увел оставшихся в живых десантников за собой в пояс астероидов. Это походило на коллективное самоубийство... Но именно такой неожиданный маневр спас жизнь всем, кто последовал за ним... Тогда было проще. Тогда была война. А сейчас... От слов, которые должен был сказать сейчас Пол, зависела жизнь экипажей двух трансгалактических крейсеров – самых мощных экспедиционных звездолетов в космическом флоте Содружества Кольца.

Из оцепенения Эриксона вывел грубый голос: на вспомогательном терминале появился человек и форме особого отряда полиции Содружества – полковник Ник Смол.

– Повторяю, капитан, он блефует! – прорычал полковник. – Приказываю вам прервать программу полета, открыть причальный отсек и ждать моих дальнейших указаний!

В этот момент на главный терминал напозла тень, заслонив собой и Алдан, и «Селену», и Вееру, – тень от полицейского звездолета, который, словно акула вокруг своей жертвы, медленно кружил вокруг «Геи».

Капитан блокировал общий канал связи, по которому шли переговоры, и обратился к корабельному «мозгу»:

– Где он? Удалось что-нибудь выяснить?

– Сигнал поступает со всех модулей одновременно. Точные координаты определить невозможно.

– Принято, – спокойно сказал Эриксон, успев поймать на себе с десятков тревожных взглядов и один заинтересованный. Именно так всегда смотрела на капитана командир основного модуля Эва Смит.

Пол вдруг смутился и поспешно вновь инициировал общий канал связи.

– Слушайте лучше меня, капитан! – раздался другой голос. По вспомогательному терминалу побежали яркие бессмысленные картинки, окрасившие причудливый рисунок «ребер» обшивки и не менее причудливые цвета. Тот, кто говорил, явно не хотел, чтобы его еще и видели, – Да, я иг-

рок. И шахматам предпочитаю карты. Сейчас на карту, как вы поняли, поставлена моя жизнь. Я не блефую! Если гиперпрыжок не состоится, вы подпишете тем самым себе и своим людям смертный приговор. Я не хочу жертв! И никогда их не хотел! Я хочу только одного: чтобы корабли ушли в гиперпространство!

Пол Эриксон бросил вопросительный взгляд на своего первого помощника Ивана Сенькова. Иван виновато пожал плечами и отрицательно покачал головой.

«Дурной знак, – подумал капитан, сохраняя на лице невозмутимость, – ситуация, без дураков, серьезная. «Мозг» сплоховал... И Сеньков – цептунианин! – не может вычислить, где окопался этот... террорист. Тоже мне экстрасенс!»

Сеньков родился на Цептуне – планете экстрасенсов. Иметь цептунианина в экипаже считалось крупным везением. Эриксон с большим трудом добился разрешения включить Сенькова в состав экспедиции – его и еще нескольких человек. Все они были с «Аскольда» – малого трансгалактического крейсера, личный состав которого всего несколько десятков человек. «Аскольд» специализировался на поиске в глубоком космосе ценнейшего сырья – лаулита. В последней экспедиции с командой малого крейсера произошла скандальная история, сразу же обросшая всевозможными слухами и домыслами. Когда Эриксон обратился в Управление освоения глубокого космоса со своей просьбой, с ним даже разговаривать не стали. Была рекомендация сверху: воздер-

жаться от включения бывших членов экипажа «Аскольда» в состав глубоких экспедиций. Но, поскольку это была всего лишь рекомендация, Эриксон просто так не сдался. Он упирал на важность миссии «Геи» – поиск новых пригодных для жизни планет, в которых Содружество, с его непомерно возросшим населением, остро нуждалось, и в конце концов добился своего. Иван Сеньков и еще четверо аскольдовцев были включены в состав экипажа «Геи»...

– Право, жаль, что именно вы подвернулись мне под руку, капитан, – продолжал ироничный, нагловатый голос. – Но у меня нет выбора. Впрочем, выбор есть всегда. Хотя бы между жизнью и смертью... Будет лучше, если экспедиция уйдет в глубокий космос. Поверьте, мы тут же вернемся, но подальше от этого места. А когда я буду покидать крейсер, у вас, капитан, появится шанс поймать меня. Уверяю, мы оба получим удовольствие от этой игры в кошки-мышки. В противном случае мне придется выбрать смерть. Но это будет уже коллективная смерть.

– Полковник, – окликнул капитан. – По-моему, он говорит дело. Вы отпускаете нас, а я, вернувшись, передам вам с рук на руки этого парня.

Полковник Смол неожиданно громко рассмеялся.

– Ваша наивность, капитан, смешна. Я не говорю о той легкости, с которой преступник меняет внешность. Этот парень, как вы изволили выразиться, только на моей памяти восемь раз менял пол. Я и сам не знаю, кто он сейчас. Очень

может быть, что он водит всех за нос и его мужской голос – это всего лишь обыкновенный трюк. А на самом деле у этой твари шикарные буфера и маленькая штучка, которая есть у каждой бабенки. И возвращение, на которое вы надеетесь, капитан, очень проблематично! Приказываю: перейти на ручное управление, или я вынужден буду открыть огонь.

– Ого! Похоже на объявление войны!

– А мне плевать! У меня приказ Совета: арестовать опасного преступника или уничтожив его. Вы добьетесь того, что я просто расстреляю ваш крейсер!

– Не сходите с ума, полковник! Куда вам тягаться с нами!

– Черт побери! Капитан, вспомните наконец Фрагию! Четыре миллиарда человеческих жизней! И все это на его совести!

– Не отрицаю, – донеслось с мигавшего всевозможными цветами терминала. – На Фрагии мне тоже пришлось выбирать между жизнью и смертью. Я всего лишь заметал следы... Но четыре миллиарда – цифра явно завышенная. Ну было там миллиарда три – три с половиной, не больше. А что касается твари... Право, полковник, это не поджентльменски. Зовите меня, скажем, мистер Чаминг. Прекрасно! Мистер Чаминг.

– Капитан, – тихо позвал первый помощник. Эриксон блокировал связь.

– Он в навигационном модуле, – все так же тихо проговорил Иван, но то, что он сказал, услышали все, кто был в

рубке.

Пол Эриксон побледнел. И на сей раз это не осталось незамеченным. Среди навигаторов находилась жена капитана – Белла Эриксон. И первая его мысль, естественно, была о ней.

– И еще, – продолжал первый помощник. – У этого Чаминга очень сильная защита. Я чудом обнаружил его. Интересно, кто он на самом деле, этот мистер? Навигаторам сейчас не позавидуешь.

«Белла...» – прошептали губы Эриксона. «Белла!» – прокричал он про себя. И тут же устыдился своих чувств: кроме его жены в навигационном модуле сейчас находилось еще больше сотни человек. Что там? Что там сейчас происходит?

– На Фрагии погибла моя семья – жена и двое сыновей, – вступил в разговор новый собеседник. На экране появился Сергей Чернов, капитан крейсера «Селена». – Пол... Мне бы очень хотелось взглянуть мистру Чамингу в глаза. И не только мне. Половина моих людей с Фрагии. И ты, Пол... Ты потерял там отца...

– Предупреждаю, капитан, я настроен очень серьезно, – вновь заговорил мистер Чаминг.

Эриксон сжал от злости зубы.

«Действительно тварь! – согласился капитан с полковником Смолем. – Вот она – там!» – Пол взглянул на второй вспомогательный терминал, на котором была обозначена схема крейсера и корабельный «мозг» непрерывно выдавал информацию по тысячам параметров, определявшим

жизнеспособность «Геи».

Капитан огляделся по сторонам, ловя на себе внимательные, тревожные взгляды.

«Бред! Жизнь экипажей двух крейсеров – четырнадцать тысяч человек! – держит сейчас в руках какой-то... – Пол не смог подобрать подходящего ругательства для мистера Чаминга. – И неужели нельзя ничего сделать?»

Мысль капитана лихорадочно заработала.

Попасть в навигационный модуль можно было из основного, к которому пристыковывались все остальные функциональные модули, или из двух смежных с ним модулей.

«На месте Чаминга, – рассуждал Эриксон, – я непременно принял бы меры на случай, если меня все-таки обнаружат... Взял и перешел бы на автономное снабжение... И сделал бы ошибку! Чаминг уверен, что мы не сможем узнать точно, в каком модуле он находится... Чаминг не станет ничем обнаруживать себя. Единственное, что он наверняка сделал, – это установил визуальный контроль за всеми тремя входами».

Эриксон еще раз взглянул на схему крейсера.

«Через модуль отдыха, – решил он. – Оттуда – в карантинный... А там... Ты слишком самоуверен, Чаминг, и будешь за это наказан!... Рискованно, но именно поэтому все может получиться... На всю операцию уйдет минут десять. Трех человек будет вполне достаточно. Только бы не ошибиться. Как же там?... Неужели забыл? Ну же! – Эриксон с силой сжал подлокотники кресла, и от напряжения на лбу у него высту-

пили капельки пота. – Карантинный модуль... Секция четырнадцать... Камера три тысячи сто одиннадцать... Препарат номер семьдесят три ноль девять... Все верно!»

Капитан хотел заблокировать связь, как вдруг по кораблю пошла вибрация, словно дрожь по живому телу.

– Внимание экипажа! – раздался голос, который очень легко можно было принять за женский. Этот голос капитан лично выбрал для корабельного «мозга». – Крейсер покинул орбиту Алдана, вошел в зону разгона. До гиперпрыжка – двадцать минут.

На экране главного терминала теперь ярко светили одни неподвижные звезды, навстречу которым, набирая скорость, летел крейсер. На вспомогательном терминале заднего обзора стремительно уносился в пустоту светло-зеленый диск – планета Алдан. С этого расстояния были хорошо видны все ее спутники – Веера, Аркс и Юпет, которые так же стремительно уменьшались в размерах. И только две крупные, яркие звезды

следовали за «Геей» не отставая – это были крейсер «Селена» и полицейский звездолет.

– Я вижу, слов вы не понимаете, Эриксон, – прозвучал спокойный голос полковника Смола, и параллельно курсу «Геи» пронесся белый короткий луч.

– Угроза от «своего» – сектор «шесть», – сообщил «мозг». – Защитный экран поставлен. Требуется подтверждение для ведения ответного огня.

– Не открывать! – крикнул капитан.

– Не хотелось давить на вас, капитан, – вступил в разговор мистер Чаминг, – но раз игра пошла по новым правилам... Скажите что-нибудь, дорогая.

У Пола Эриксона сжалось сердце: он понял, чей голос сейчас услышит.

– Пол, он не шутит. Он уничтожит корабли. Я знаю, что тебе противно и унижительно подчиняться... Но...

Эта говорила Белла. Эриксон вслушивался в ее голос, пытаясь по еле уловимым интонациям понять, что с женой, не сказала ли она больше, чем ей позволил Чаминг. Но голос ее был лишь слегка взволнован, и только.

Полицейский звездолет совершил небольшой маневр, перейдя из сектора «шесть» в сектор «три», и произвел еще один залп, перечеркнув лучом курс «Геи».

– Угроза от «своего»! – среагировал «мозг».

– Следующий залп будет по крейсеру, Эриксон! – на этот раз прорычал полковник. – И никакие экраны вам не помогут! Я знаю, куда стрелять!

– Кишка у тебя тонка, – отозвался Чаминг, – правда, капитан?

«Вот! Сейчас или никогда», – мелькнуло в голове у Пола.

– Да пошли вы все к чертовой матери! – с чувством выругался он и заблокировал связь по всем каналам.

Иван Сеньков с удивлением смотрел на своего капитана – таким взвинченным он еще не видел его никогда.

– Я в полном порядке, – успокоил всех Эриксон. – В нашем распоряжении меньше двадцати минут. Иван, Полонский и Эва – за мной! Всем остальным ничего не предпринимать! Ждать!

С этими словами капитан решительно поднялся и быстрым шагом направился к выходу. Он ни разу не оглянулся, потому что хорошо знал: те, кого он выбрал – Иван Сеньков, Александр Полонский – второй помощник и Эва Смит, – не колеблясь последовали за ним, а оставшиеся сожалеют, что капитан обошел их своим вниманием.

Попав о переход, связывавший основной модуль и модуль отдыха, Эриксон бросился бежать.

– Внимание экипажа! – вновь раздался голос корабельного «мозга». – До входа в гиперпространство – пятнадцать минут. Напоминаю...

Дверь модуля отдыха бесшумно открылась, в глаза ударил ослепительный свет – все системы автоматически пришли в рабочее состояние.

Капитан и его люди, не сбавляя темпа, побежали по аллее, вдоль которой цвели липы. Над головами бегущих всю сияла искусственная Коиса, припекая не хуже настоящей. Листва деревьев и кусты слегка подрагивали. В аллее щебетали птицы.

Они срезали путь и побежали прямо по траве. Слева голубела полоска моря, покалывая глаза яркими бликами. Справа ослепительно белели вершины гор. На секунду Эриксону

показалось, что он на Алдане, что нет никакой «Геи». Он только что встал и совершает свою обычную утреннюю пробежку. А там за деревьями – его дом, недавно перестроенный в аттическом стиле, снова вошедшем в моду. Несколько минут – и Пол, сбросив с себя одежду, нырнет в прохладный бассейн... А потом – завтрак на веранде, увитой плющом, и напротив – Белла...

– Полонский! – крикнул Эриксон.

– Слушаю... – отозвался тот. Голос Полонского звучал так, как будто он сидел в кресле в расслабленной позе. Судя по ровному дыханию, Эва и Иван тоже чувствовали себя неплохо. Да по-другому и быть не могло. Полонский – бывший профессиональный спортсмен. Иван – единственный из экипажа «Геи», кто на беговой дорожке был сильнее Эриксона. А у Эвы просто был такой жизненный принцип: не уступать капитану ни в чем. Когда Пол занялся политикой, она тоже ушла в нее с головой и очень скоро добилась серьезных успехов.

Эва Смит стала членом Совета Содружества Кольца, превратившись в значительную политическую фигуру: она вершила судьбы вселенной... Когда капитан вернулся в космический флот, Эва тут же хотела бросить все и последовать за ним, но это оказалось не так-то просто. Нужен был неформальный повод, очень серьезная уважительная причина. Слишком высокий пост она занимала. Помог случай. На одном банкете, посвященном открытию памятника по-

гибшим в планетарных войнах, на который ее пригласили в качестве главного официального лица, был совершен террористический акт. Некто, прямо на глазах у всех, расстрелял троих гостей. Стрельбой дело не кончилось: в довершение всего был взорван еще и фугас, заложенный почему-то на кухне. Эва получила легкое ранение, благодаря которому смогла уйти из большой политики навсегда...

– Полонский, займешься испарителем! – приказал Пол. – Эва – оружием!... Иван – легкими скафандрами! Встречаемся на выходе!

Они ворвались к карантинщикам, словно банда налетчиков. Для дежурной группы, только что следившей за действиями капитана по одному из своих терминалов, его появление здесь было полной неожиданностью.

Эриксон, не тратя времени на объяснения, бросился к секции четырнадцать, где хранились образцы биопрепаратов.

– Внимание! До входа в гиперпространство – семь минут... «Только бы выбраться из этой передраги, – раздраженно подумал Эриксон, скользя взглядом по номерам камер. – Чтоб у меня еще когда-нибудь «мозг» говорил бабским голосом!... Вот он, нужный препарат – «семьдесят три ноль девять».

Капитан сунул в карман несколько ампул, заткнул за пояс вакуумный впрыскиватель и побежал к месту встречи со своими людьми.

– ...До входа в гиперпространство шесть минут...

В переходе, ведущем к навигационному модулю, Эриксона уже ждали Сеньков, Полонский и Эва Смит. Капитан бросился к люку коммуникационного туннеля. Тяжелый щит легко отъехал в сторону и... Вход в туннель преграждал робот-ремонтник. Эриксон попытался сдвинуть его с места, но это было бесполезно: робот не подавал признаков «жизни». Создавалось такое впечатление, что он специально был оставлен здесь загромождать собой проход.

«Неужели Чаминг предусмотрел и это? – мелькнуло в голове у капитана. – Но и мы тоже кое-что предусмотрели!»

Он выхватил из рук Полонского испаритель, включил его и направил жало на робота. Прочный металл задымился и начал быстро исчезать.

– Надеть скафандры! – приказал Эриксон, не оглядываясь. – Иван, сменишь меня.

Теперь план капитана стал понятен. Все функциональные модули соединялись между собой и основным модулем системой коммуникаций. По ним, словно по артериям и венам, циркулировало все необходимое для жизнедеятельности крейсера: энергия, вода... и, самое главное, воздух! Этим и решил воспользоваться Пол Эриксон.

Первый помощник быстро надел скафандр, легкий и удобный, как спортивный костюм, и отрапортовал:

– Я готов.

Эриксон резко поднялся, передал испаритель Сенькову.

– ...До входа в гиперпространство – пять минут... Иван

принял ту же позу, что и капитан, и продолжил его работу.

Эриксон привычными, быстрыми и уверенными движениями надел скафандр.

– Кончено! – воскликнул первый помощник.

– ...До входа в гиперпространство – четыре минуты...

Эриксон зарядил впрыскиватель несколькими ампулами, заглянул в туннель, осветив его источником света, вмонтированным в шлем.

– Боже! – невольно воскликнул Пол. – Они все одинаковые!

Взгляд капитана беспорядочно перескакивал с одной коммуникационной линии на другую. Их здесь оказалось несколько десятков. И среди них – та, которую Эриксон отчаянно пытался отыскать: воздуховод, идущий от главного компрессора.

– ...До входа в гиперпространство – три минуты... Эриксон уже был готов положиться на удачу, уже выбрал место на коже одной из линий, сквозь которую нужно было распылить в атмосфере навигационного модуля препарат «семьдесят три ноль девять», но в этот момент кто-то мягко взял из его рук впрыскиватель. Это была Эва. Пол увидел ее горделивый профиль, капельку пота, стекавшую по виску, и испытал смешанное чувство, что-то среднее между приступом бешенства – за то, что нижний чин смел действовать без его приказа, благодарностью за помощь, подоспевшую весьма кстати, и сильнейшей страстью, которая внезапно охва-

тила его в такой неподходящий момент, в таком неподходящем месте.

Эва уверенно приставила впрыскиватель к воздуховоду, и через секунду все было кончено.

Все четверо не стовариваясь бросились к двери, ведущей в навигационный модуль.

– ...До входа в гиперпространство – две минуты...

«Еще успеваю! – лихорадочно размышлял Эриксон. – Только бы этот неврастеник полковник не дал залп по крейсера раньше времени. Белла... Я спасу тебя!»

Счет шел на секунды. Эриксон продумал каждое свое движение. Получалось, что после окончания операции (нужно было еще убедиться, что все прошло гладко) до входа в гиперпространство останется не больше четверти минуты. Вагон времени для того, чтобы связаться с «мозгом» и дать отбой. Ну а после уже можно без суеты перейти на ручное управление, принять на борт полицейский звездолет и спокойно отыскать среди спящих крепким сном навигаторов мистера Чаминга.

Эриксон первым вбежал в навигационный модуль, держа наготове излучатель, и вдруг резко остановился, выронил оружие, хотя мог спокойно выстрелить: у него было небольшое преимущество – поднятая рука. Сзади на капитана налетел Полонский, на Полонского – Сеньков. Эва чуть приотстала.

То, что увидел Эриксона, подействовало на него парали-

зующе. Дежурная смена навигаторов, казалось, мирно спала в своих креслах. У всех довольные, блаженные лица, румянец на щеках. И только один человек избежал воздействия препарата. Он стоял у пульта управления модулем, на вспомогательном терминале которого ярко сияли две звезды – трансгалактический экспедиционный крейсер «Селена» и полицейский звездолет, неутомимо следовавшие за «Геей». Человек был одет в скафандр, такой же, как на Эриксоне и его людях. В опущенной правой руке он держал пучковый излучатель, в левой, согнутой в локте, – небольшой плоский предмет черного цвета.

– ...До входа в гиперпространство – одна минута...

– Белла... – только и смог вымолвить капитан.

Белла Эриксон, с широко открытыми глазами, побелевшими губами, подняла вверх левую руку.

– Не-е-ет! – крикнул Пол, но этим криком только подтолкнул жену. Рука ее дрогнула... и на терминале, в абсолютном безмолвии, одна из двух ярких звезд вдруг превратилась в ослепительную вспышку света...

Трансгалактического крейсера «Селена» не стало. Семь тысяч членов экипажа в одно мгновение превратились в поток фотонов – произошла аннигиляция. И сделал это не кто-нибудь, а жена капитана.

Да, она не шутила, когда обещала уничтожить оба крейсера, если события будут развиваться не по ее сценарию. Конечно, и на полицейском звездолете видели то, что произо-

шло с «Селеной». Там тоже наверняка все пребывали в шоке, включая полковника. Через несколько секунд «Гея» уйдет в гиперпространство, и «мистер Чаминг» опять останется на свободе. Вот только свидетели...

Белла подняла правую руку, в которой крепко сжимала излучатель.

– ...До входа в гиперпространство – десять секунд... Де-
вять...

По бледным губам Беллы скользнула улыбка.

– ...Восемь...

Эриксон увидел, как указательный палец женщины мягко нажимает на спусковой механизм.

– ...Семь...

И в этот момент оружие, которое сжимала Белла, подпрыгнуло – заряд ушел вверх, а жена капитана с рваной, сквозной раной на груди отлетела к переборке.

– ...Шесть...

Чьи-то сильные руки толкнули Эриксона в сторону кресла, без которого пережить гиперпрыжок и остаться живым и невредимым было почти невозможно.

– ...Пять...

Краем глаза капитан увидел, как Полонский, Сеньков и Эва Смит быстро занимают места в соседних свободных креслах. Эва... А ведь это именно она выстрелила в Беллу.

– ...Четыре...

В этот момент Эриксон почувствовал толчок, сотрясший

навигационный модуль.

– ...Три...

Все, что лежало на пульте управления, как по команде взлетело и унеслось за спину капитана и его людей.

– ...Две...

Экраны терминалов рассыпались на мелкие бриллиантовые брызги, которые унеслись туда же.

– ...Одна...

Приборный щит пошел трещинами и стал крошиться. Оторвавшиеся от него куски словно снаряды проносились мимо...

– ...Ноль...

Вдруг навалилась темнота, в мозг как будто вонзили острую тонкую спицу...

«А полковник все-таки выполнил свою угрозу...», – успел подумать капитан Пол Эриксон.

ГЛАВА 2

В тысяче километров к востоку от Петербурга в покосившемся от ветхости деревянном доме тяжело дышавшая в агонии старуха неожиданно открыла глаза.

– Бабушка, – бросилась к ее постели девушка лет семнадцати.

– Он идет... – прошептала старуха, – слышишь, Злата? Он идет...

– Да, бабушка, слышу, – всхлипнув, сказала девушка. – Он идет... Выпей вот это. – И протянула старухе кружку с неприятно пахнувшей жидкостью.

– Перстень... – продолжала шептать старуха. – Ты должна занять мое место... Теперь ты... Хранитель...

– Бабушка, какой перстень? Какой хранитель? О чем ты говоришь?

– Чертово озеро... Сделай это... Не успеваю...

Старуха перешла на хрип, рука ее потянулась к чему-то невидимому, голова приподнялась и вдруг бессильно упала на подушку. Глаза старухи закрылись, дыхание остановилось.

Злата поднялась с колен, поставила кружку на стол. Лицо ее было спокойным, как будто ничего не произошло. Только во взгляде появилась еле заметная жесткость и движения стали более решительными.

Девушка встала у окна, за которым сгущалась ночь, замерла и стояла неподвижно, терпеливо дожидаясь только ей одной известного момента. Когда на небе появился первый, еле уловимый утренний свет, Злата взяла корзинку и вышла из дома.

Она не таясь пошла по улочке, небольшой, всего в несколько домов.

«Ничего не случилось, – повторяла Злата про себя, просто я иду за ягодами».

Во дворе дома на окраине, подсвечивая себе фонариком, подвешенным на ветку яблони, копался в моторе небольшого колесного трактора мужчина лет пятидесяти.

– Здравствуйте, Семен Петрович, – первой поздоровалась девушка, – раненько вы сегодня...

– Ничего, зимой отосплюсь. Фермер я или тварь дрожащая? Как говорится: взялся за гуж, не говори, что мало каши ел... Проклятый! – замахнулся он на трактор. – Чтоб тебя до последней шестеренки ржа проела!... Как твоя бабулька, Златочка?

– Спасибо, хорошо. Вот ягодок попросила. Денька через два совсем поправится.

– Ну и слава Богу! Если б не ее чудесная настойка... На прошлой неделе в городе я врача встретил... Так у него глаза на лоб полезли. Как, говорит, вы еще живы?... И не обращай внимания, что твою бабку колдуньей называют. Да, колдунья. Но побольше бы таких, как она.

Злата хотела ответить, но Семен Петрович не дал ей и слова сказать.

– Новости вчера не смотрела? – без паузы перескочил он на другую тему. – Показали НЛО над Вашингтоном. Просто жуть. А говорят кто что. Кто: атмосферные аномалии. Кто: нашествие инопланетян. Кто вообще конец света обещает... – Фермер посмотрел в черное небо. – Я представляю, если сейчас над нами зависнет эта громадина километров эдак несколько в диаметре! Огни по периметру. Луч света в землю... Жуть... – Семен Петрович вздохнул. – Витек приехал.

– Мы уже виделись.

– Ах, вот оно что... А я-то думаю, что это сыночек мой не в духе? Сидит надутый, ни с кем не разговаривает. Поссорились, что ли?

Отвечать не пришлось: в этот момент мотор натужно взревел. Девушка кивнула Семену Петровичу и пошла дальше по тропинке, что вела в лес.

Из-за треска мотора, из-за того, что было еще темно, она не заметила человека, который крался за ней от самого ее дома.

Углубившись немного в лес, девушка остановилась и прислушалась. Все было тихо. Только потревоженные комары и мошкара, учуяв запах теплой плоти, радостно звенели на все лады.

– Ну подождите, я до вас еще доберусь... – сердито про-

ворчала Злата, отмахиваясь от насекомых. – Ральф! – тихо позвала она. – Ральф!

Где-то далеко послышался шорох.

– Ральф, я здесь!

Неожиданно из кустов выпрыгнул матерый широколобый волк и бросился к Злате. Девушка протянула волку ладонь, и волк провел по ней своим шершавым прохладным языком.

– Ральф, умница мой! – приговаривала девушка. – Один ты у меня остался. Умерла наша бабушка. Понимаешь? Умерла.

Волк перестал виться вокруг хозяйки, опустил голову и тихонько завыл.

– Ну, хватит реветь! – прикрикнула на него Злата. – Видишь, я не плачу! Случилось то, что должно было случиться. Пойдем со мной. У меня сегодня очень трудный день. Будешь мне помогать. Только бы успеть сделать все, как она говорила...

Девушка потрепала волка за ухом, но тот вместо благодарности вдруг ошетинился, оскалил клыки.

– Ты чего? – удивилась Злата. – Кого-то почуял? Ральф сделал несколько осторожных шагов и вдруг скользнул в густой кустарник.

– Назад! – возмущенно приказала девушка. – Нашел время для охоты!

Волк, виновато поджав хвост, вернулся к хозяйке.

– И чтоб мне больше не отвлекаться на всякую ерунду, –

на сей раз более миролюбиво выговорила Злата.

Солнце уже осветило верхушки елей, когда Злата и волк, не отстававший от нее, вышли к небольшому озеру. Ветра не было. Деревья и небо с легкими, похожими на глубокие царапины облаками отражались в неподвижной воде. Обычный уголок девственного леса. Не самый хороший, не самый плохой. Но какая-то жуть была скрыта во всем, чего ни касался взгляд. Птицы пели свои первые утренние песни глухими, испуганными голосами, а Ральф непрерывно вертел головой, как будто ждал нападения со всех сторон одновременно.

Злата подошла к самой кромке воды и медленно, словно боясь причинить себе боль, сняла платье. Под платьем никакой другой одежды не оказалось. Девушка плавными движениями завязала волосы в тугий узел, исподтишка поглядывая на Ральфа, сидевшего чуть в стороне. Волк смотрел ей прямо в глаза. Но ему было не обмануть хозяйку. Стоило Злате отвернуться, и она чувствовала, как волчий взгляд, щекоча, скользит по ее обнаженному телу.

– За мной! – крикнула Злата и бросилась в воду. Кожу обожгло холодом – где-то рядом, у самого берега, бил подземный ключ.

«Только бы не свела судорога...» – подумала она и поплыла на середину озера. Волк прыгнул в воду следом за ней и поплыл рядом, тяжело дыша. Он явно нервничал.

– Ну что ты, дурашка? Все хорошо, – успокоила его хо-

зьяйка.

На середине озера девушка сделала глубокий вдох и нырнула. Ее тело было ослепительно белым на темной глади воды.

Злата открыла глаза и отчетливо увидела дно, сплошь покрытое слоем побуревшей прошлогодней листвы, из которой кое-где выглядывали одинокие чахлые водоросли.

Здесь, на глубине, было куда холодней, чем на поверхности.

Девушка поплыла возле самого дна, внимательно глядя вокруг.

«Мне тепло, мне очень тепло», – повторяла она про себя.

Злата несколько раз выныривала, делала глоток свежего воздуха и снова уходила под воду. Силы постепенно покидали ее тело, теряло чувствительность, а пальцы с трудом слушались. Одновременно ее все больше охватывал ужас: все напрасно, она не справилась даже с таким пустяком...

Злата в очередной раз вынырнула на поверхность, с беспокойством посмотрела на восток: еще несколько минут, солнце опустит свои лучи в озеро и тогда – все! Она сделала вдох поглубже и вновь нырнула.

Ральф поспешил к тому месту, где исчезла хозяйка.

И вновь Злата плыла у самого дна, распугивая одиноких, еще сонных рыб.

Это последнее погружение. Солнце уже играет в камышах...

Нужно было всплывать: воздуха уже не хватало, перед глазами вспыхивали и гасли разноцветные круги и с каждой секундой становились все ярче и ярче. Злата до хруста стиснула зубы. Почувствовав, что сейчас потеряет сознание, она решила подняться на поверхность и в этот момент вдруг увидела то, что так долго искала: нитку абсолютно белых, словно седых, водорослей. Злата почти вслепую сорвала их, в тот же самый момент она потеряла над собой контроль и сделала вдох...

Она все-таки вынырнула, беспомощно колотя руками по воде.

Волк быстро подплыл к ней, Злата судорожно вцепилась в его густую шерсть.

«К берегу!» – хотела приказать девушка, но не смогла вымолвить ни слова. А Ральф и без ее приказов знал, что нужно делать.

Тяжело дыша, она выползла на берег и рухнула в густую осоку, порезав посиневшую от холода кожу об острую траву. Волк медленно начал слизывать выступившие капельки крови, потом взялся вылизывать лицо хозяйки, шею, руки...

– Спасибо, Ральф, – тихо произнесла Злата, – что бы я без тебя делала?

Отдышавшись, девушка положила нитку белых водорослей на дно корзинки, набросала сверху травы. Волк смотрел на нее грустными глазами.

– Еще рано прощаться, дурашка, – успокоила его Злата,

надевая платье, – нужно собрать немного ягод... Я же в лес пошла за ягодами! Понимаешь? Конспирация! – И она звонко засмеялась.

Злата с нетерпением дожидалась вечера, заставляя вести себя так, как будто ничего не произошло. Она возилась в огороде на виду у всей деревушки, иногда громко кричала:

– Иду, бабушка! – и бежала в дом.

Она сбегала за хлебом в автолавку и на обратном пути долго и обстоятельно беседовала с соседкой Аграфеной Митрофановной.

– Настасья, бабка твоя закалки крепкой, – сказала тетка Аграфена. – Даже не переживай – выкарабкается. Я сколько лет ее знаю, а чтоб она чем-то болела... такого не припомню. Железная твоя бабка. Надо бы вечерком зайти навестить ее. Соседи все-таки. Даром что она у меня Петра отбила... Э-хе-хе...

– Бабушка еще очень слаба, – осторожно ответила Злата. – Может быть, завтра?

– Можно и завтра, – охотно согласилась тетка Аграфена. Ближе к вечеру у калитки появился Витек... Виктор — высокий, крепко сложенный, по-армейски подтянутый молодой человек.

– Зайти-то можно? – небрежно спросил он, но было видно, что небрежность эта от робости перед девушкой... нет, девчонкой лет на семь младше его.

– Нет, – отрезала Злата, – потом тебя с собаками не про-

гонишь!

– С собаками?... Мне отец говорил, ты сегодня за ягодами ходила? Страшно в лесу одной?

Злата испытующе посмотрела на Виктора.

– Ты ведь в Москве служил? – неожиданно спросила она.

– Как будто не знаешь.

– Почему ты там не остался?

– Как будто не знаешь, – повторил Витек, но уже с такой тоской в голосе, что это не осталось незамеченным даже для него самого. – Ладно, пойду я, – нахмурился Виктор. – Знаешь... приходи вечером к реке... Я буду ждать.

Злата отрицательно покачала головой.

– Ты стала какая-то другая... Чужая... Виктор, не оборачиваясь, быстро зашагал прочь.

А ближе к ночи мимо дома Златы на тракторе, который тащила старенькая скучная лошадка, проехал фермер Семен Петрович – отец Виктора. Увидев Злату, идущую навстречу с полными ведрами воды, он сокрушенно воскликнул:

– Эх, девка, где ж ты раньше была? Хреновый из меня фермер, как из балерины – монтажник-настройщик электронной аппаратуры. Зачем я в деревню подался? Сидел бы сейчас в своем НИИ, просиживал штаны... Только не надо говорить, что я неудачник! Мне просто не везет!

Злата проводила Семена Петровича долгим взглядом и прошла в дом.

Она занавесила все окна, села на стул рядом с неподвижно

лежавшей бабкой Настасьей и сидела так до тех пор, пока кукушка в часах не прокуковала двенадцать раз.

Только тогда Злата встала и выглянула в окно. Светила полная луна – то, что надо.

Злата чуть раздвинула занавески – лунный свет залил комнату густым серебряным светом, – взяла корзинку и вытряхнула из нее ягоды прямо на пол. Они, подпрыгивая словно живые, раскатились по всем углам и потом долго скользили под ногами, когда Злата наступала на них.

В руках девушки оказалась белая нитка водорослей.

– Все... Отступать некуда, – произнесла она вслух. Целых два часа Злата отваривала водоросли в старинной

серебряной чаше, добавляя все новые и новые травы, которыми были увешаны сени. Помешивая отвар, она что-то нашептывала, и глаза ее светились в темноте, как у кошки.

Наконец снадобье было готово. Злата подождала еще немного, пока оно остынет, и медленно, маленькими глоточками выпила все до последней капли.

Через несколько минут на лбу ее выступила испарина, а тело свела судорога. Злата упала на пол, корчась от дикой боли, но не вскрикнула ни разу. Она смогла заставить себя не кричать.

Еще через несколько минут она поднялась с пола и начала с удивлением прислушиваться к своему телу. Девушка ясно понимала: с ним – с ее телом – что-то произошло. Она чувствовала странную вибрацию в каждом мускуле, в каждой

клеточке. Словно звонили миллионы серебряных колокольчиков, которых никто, кроме нее, не слышал. И на этот звон слеталось нечто... Льнуло к ней, как к магниту, сгушалось, стекая по рукам разрядами искр...

Злата посмотрела на свои ладони, потом вокруг себя. На столе, в двух шагах от нее, лежала деревянная ложка. Девушка направила на нее ладонь – ложка дрогнула и вдруг скакнула прямо к ней.

Злата с торжествующим видом подняла руку вверх, в чертах ее лица появились демонические черточки, а горящие глаза уже не напоминали глаза кошки. Это были глаза дьявола...

Взгляд ее случайно скользнул по кровати, на которой лежала бабка Настасья... Секунда – и Злата опять стала сама собой, деревенской девушкой семнадцати лет.

Она подошла к бабке и, помедлив немного, начала делать пассы руками над головой умершей, выговаривая вполголоса несвязные фразы. Неожиданно старуха открыла глаза и села. Злата продолжала делать пассы руками, лицо ее побледнело, а по виску скользнула капелька холодного пота.

Лунный свет вдруг иссяк. По крыше прокатился порыв ветра, и под его напором в саду застонали деревья.

– Спрашивай, – прохрипела старуха.

Не опуская рук, Злата задала бабке Настасье вопрос:

– Кто идет? Имя! Что ему нужно?

– Его зовут Черный Охотник. Ему нужен кристалл, вмон-

тированный в перстень, Хранителем которого теперь будешь ты, и «книга».

– Тот самый перстень с черным треугольным камнем? Я думала, он потерялся еще в Афинах.

– Нет... Я спрятала его... Хотела уберечь себя и тебя от верной смерти...

– Смерти?... Подожди, бабушка, давай все по порядку... Ты сказала: «книга». Что за «книга»?

– Книга с перечнем кодов.

– Что это? Почему ты ничего не говорила раньше? Почему ты молчала столько лет о перстне, «книге», Хранителях?... Бабушка!

Как Злата ни старалась сохранять внутреннее спокойствие, все равно она была потрясена.

– А мои родители? Ты говорила, что ничего не знаешь о них... мой отец?!

– Тот, кто называл себя твоим отцом – чудовище! Он же твоей смерти... и был виновен в смерти многих Хранителей! Я не хочу говорить о нем... и о ней...

– А моя мать? – заупрямилась Злата.

– Я не хочу говорить о ней... Спрашивай о другом. Злата молчала.

– Спрашивай! – повторила старуха скрипучим голосом. – Время!...

– Хорошо... – медленно проговорила девушка. – Где «книга» и перстень?

– Перстень здесь. Книга у Хранителя с личным кодом: три пятерки, девятка, две тройки, четыре, единица, четыре восьмерки. Хранитель в Петербурге. Это город, где он обязан жить до очередного чрезвычайного совета, который будет не скоро. Очень не скоро. Он помнит тебя еще девочкой. И ты должна помнить его. Найди способ быть на виду – он сам выйдет на тебя. Вы должны быть вместе. В одиночку ни тебе, ни ему с Черным Охотником не справиться: Помни про личный код.

– Что такое личный код, бабушка?

– Проведи рукой по предплечью, чуть ниже локтя – здесь, – проскрипела старуха.

Злата, продолжая делать одной рукой пассы, другой провела вдоль места, на которое показала бабка Настасья.

– Ты почувствовала? – спросила старуха.

– Да. Я прочитала твой личный код... Но я не успела прочитать твое настоящее имя!

– И не надо.

– Откуда там... в тебе... эта информация?

Старуха прохрипела какое-то непонятное слово, которое Злата не расслышала, и в руке ее вдруг появился обоюдоострый кинжал с золотой, украшенной крупным рубином рукояткой.

– Бабушка... – испуганно прошептала Злата.

Старуха надрезала себе кожу – ткани разошлись, но крови не было – и извлекла из раны небольшую тонкую пластинку

величиной с ноготь.

– Это мой биком. После гибели гражданина Содружества и должен быть уничтожен. – И с этими словами старуха сломала в своих пальцах тонкую пластинку. – Вот и все... Меня больше нет... Спрашивай!

– Зачем хранить перстень? Для кого?

– Для Содружества. Мы послали сигнал. Нас вот-вот отыщут. Ты сразу узнаешь их – своих братьев. У каждого есть биком. Если перстень попадет в чужие руки... для Земли может наступить конец света... Ты чувствуешь?

– Что я должна чувствовать?

– «Поле», которое окружает тебя?

– Да... Это я почувствовала сразу: что-то произошло вокруг... И сейчас... Мое тело как будто вибрирует...

– Все правильно. Я работала над этим долгие годы... Вибрация концентрирует вокруг тебя остатки «поля»... Запомни несколько кодов, которые помню я. В трудную минуту ты будешь иметь все необходимое... «Поле» поможет тебе... Но будь экономна... Пока не заработает в горах Тибета...

В этот момент под окном, прорываясь сквозь вой начинающейся бури, слышались странные звуки: как будто кто-то крикнул... Злата на мгновение отвлеклась, и это было непростительной ошибкой – бабка Настасья рухнула на постель.

ВСЕ!

Девушка сорвалась с места и в бешенстве выбежала на двор. Дождя еще не было. Ветер срывал с деревьев листву и

плоды, грохотал всем, чем только придется. Сверкнула молния, В ее свете Злата увидела под окнами своего дома лежавшего на земле мужчину и волка, поставившего на грудь человека когтистые лапы.

Волком был Ральф. В человеке Злата узнала Виктора.

Не произнося ни слова, Злата подняла руку. Зверь и человек, поднявшийся на ноги, как по команде, послушно пошли в ее сторону. Девушка завела их в сени, включила свет. Волк растянулся у двери, Виктор озирался по сторонам.

– Ты что здесь делаешь? – выкрикнула Злата. Виктор ничего не отвечал, только смотрел на нее полными ужаса глазами.

Злата подняла руку и направила ладонь в его сторону. Виктор качнулся, поза его стала безвольной. Казалось, еще секунда – и он потеряет сознание.

– Что ты здесь делал? – повторила вопрос Злата уже спокойным голосом.

– Наблюдал за тобой, – тихо и послушно ответил Виктор.

– Что ты видел?

– Все. Ты снюхалась с волком. Ты купалась голая в Чертовом озере. Ты оживила покойницу. Ты – ведьма.

– Я не ведьма! – воскликнула Злата. – Ты ничего не знаешь! Зачем ты шпионишь за мной?

– Я люблю тебя. Я не могу без тебя.

Злата опустила руку. Виктор, словно очнувшись ото сна, начал озираться по сторонам.

– Что за черт, – бормотал он, – веники какие-то... Это баня? Злата, где мы? Куда я попал? Что ты сделала с бабушкой Настасьей?

Теперь Злата подняла обе руки и подошла вплотную к Виктору.

– Ты ничего не помнишь, – медленно и отчетливо проговорила она, – ты забыл Чертово озеро и эту ночь. Ты сейчас пойдешь домой и ляжешь спать. Когда ты мне понадобишься, я позову тебя. Жди!

Она выпустила Виктора, вернулась в дом.

Перстень!... Бабушка Настасья сказала, что он где-то здесь. Но где? Год ищи – не найдешь.

Злата вдруг рассмеялась: она все еще представляла себя девчонкой, которая ничего не знает, ничего не умеет. А это уже не так!

Девушка вытянула правую руку.

«Получится!» – сразу поняла она.

Рука дрожала от напряжения. Стена напротив вдруг дала трещину, и из образовавшейся щели прямо к Злате прыгнул перстень с небольшим, невзрачным на вид черным треугольным камнем.

Девушка с любопытством, долго разглядывала перстень. Это был тот самый перстень – из ее детства. Металл, похожий на серебро не самой высокой пробы, сам камень, не отражавший ни единого лучика света, – маленькая черная дыра... Все без затей – словно нарочно, чтобы не привлекать

любопытных глаз.

Злата надела перстень на палец, уже не таясь включила везде свет и начала собираться. Личные вещи, немного денег на первое время – деньги теперь для нее не проблема. Джинсы, кроссовки, удобная, со множеством карманов, куртка... Старинный кинжал с золотой рукояткой девушка тоже взяла с собой.

Злата все еще была зла на Виктора, из-за которого она теперь, быть может, никогда не узнает, каким образом это кинжал прямо из воздуха – ниоткуда – появился в руках бабки Настасьи... Не получит ответа на вопрос: какие такие коды хотела передать ей покойница? Что это за загадочное «поле», которое отныне будет окружать ее? И что именно должно заработать в горах Тибета?

Но главное ей все же узнать удалось. В Питере живет человек – Хранитель, которому она может доверять, как доверяла бабушке. Вот он-то как раз и может рассказать все то, что не успела рассказать бабка Настасья.

Все время, пока Злата собиралась, возле ее ног беспокойно крутился волк. Он явно выказывал признаки беспокойства, но девушка принимала его поведение за предчувствие разлуки: Злата не могла взять волка с собой в Питер.

Когда, собравшись, она открыла дверь, то увидела на крыльце, в свете сверкнувшей в этот момент молнии, высокое взлохмаченное существо – полужверя-получеловека с длинными, ниже колен, руками, горящими, близко поса-

женными глазками и оскаленными желтыми клыками... От неожиданности. Злата замерла, и это могло стоить ей жизни... Существо протянуло руку – и вдруг, опрокинувшись навзничь, покатилося по ступенькам.

Вновь сверкнула молния. Девушка успела разглядеть огромный рычащий и скулящий ком, барахтающийся на земле, и поняла, что в очередной раз волк спас ее.

Ральф перегрыз полузверю горло.

«Похож на снежного человека, – подумала Злата, склонившись над окровавленным огромным телом, на которое падала полоска света из окна. – А ведь он пришел за моей жизнью! Откуда пришел? Кто послал его?...»

Опять вопросы! И снова она не может ответить ни на один из них. Только уверенность: это чудовище появилось здесь неспроста.

Девушка перекинула через плечо спортивную сумку, скрипнув калиткой, вышла на улицу, а потом – на дорогу, ведущую к железнодорожной станции.

Ветер усиливался. Он повалил уже несколько деревьев. Молнии сверкали непрерывно. Хлынул дождь. Злата провела над собой рукой – и капли дождя шарахнулись от нее в разные стороны, как будто над ее головой раскрылся невидимый зонтик. Ральф увязался за хозяйкой, и та не гнала его. Так они и шли вдвоем по дороге, поднимавшейся в гору, – волк и человек.

Наверху Злата остановилась и оглянулась.

Сверкнула молния. Вся деревушка выпрыгнула из темноты – маленькая, словно бутафорская, – и вновь прыгнула во мрак. Лишь окна в ее доме светились слабыми огоньками.

– Прости... – коротко проговорила девушка и подняла руку.

В тот же миг опять сверкнула молния, чиркнула по небу причудливой ломаной линией и ударила прямо в дом, где лежало тело старухи. Вспыхнул огонь, в один миг охвативший избу, баньку, вплотную прилегавшую к ней, и давно пустовавший хлев.

Злата повернулась спиной к деревне и уже не оборачиваясь зашагала дальше.

Но если бы она обернулась, то увидела, как, разорвав низкие грозовые облака, мерцающая по периметру тысячами огней, над домами зависло огромное сигарообразное тело. Тонкий розоватый луч метнулся вниз и медленно заскользил по крышам, лоснившимся от воды. Наткнувшись на пожарище, луч надолго замер. Сверкнула ослепительная молния, а через мгновение все погрузилось во мрак.

ГЛАВА 3

В кают-компании трансгалактического экспедиционного крейсера собрались командиры всех модулей. Всех, кроме одного – карантинного. Шел чрезвычайный совет «Геи», за которым по всем терминалам внимательно наблюдал экипаж – около семи тысяч человек.

Командиры во главе с Полом Эриксоном расположились за круглым столом. Капитан был мрачен, и лицо его напоминало сейчас каменную погребальную маску с планеты Вудху. Вдоль переборок на мягких диванах сидели еще несколько десятков человек – это были представители рядового состава «Геи».

Универсальный робот, выполнявший сейчас функции официанта, бесшумно передвигался от одного астронавта к другому, предлагая напитки и фруктовые брикеты. Но угощение никого не соблазняло: было не до еды.

– ...Последствия гиперпрыжка для «Геи» – катастрофические, – докладывал первый помощник капитана Иван Сеньков. – Погибла в результате множественных осколочных ранений дежурная смена навигационного модуля. При выходе из гиперпространства крейсер столкнулся с малым астероидом, который оказался в мертвой зоне. Нам еще повезло, что мы потеряли только карантинный модуль и его команду... Чуть не закончилась трагедией, прямо скажем, непро-

думанная операция по обезвреживанию мистера Чаминга. Мы остались живы только благодаря скафандрам, защитившим нас от осколков. Капитан в этой ситуации оказался не на высоте...

Это был открытый вызов Эриксону. По кают-компании прокатился легкий ропот. Пол с удивлением посмотрел на своего первого помощника. В докладе Сенькова, с которым он ознакомился раньше, ничего подобного не было.

– Комиссия, которую я возглавлял, – как ни в чем ни бывало продолжал первый помощник, – пришла к категорическому выводу: разрушения, полученные навигационным модулем, не связаны с воздействием каких-то внешних сил. Иными словами, полицейский звездолет, вопреки сложившемуся мнению, никакого залпа по крейсеру не производил. На «Гее» прогремела серия тщательно подготовленных взрывов, цель которых очевидна: вывести из строя все навигационное оборудование крейсера. Навигационный модуль практически прекратил свое существование. Сказать спасибо за все за это мы должны мистери Чамингу – ныне покойному...

Внимание всех сразу же было обращено на капитана Эриксона.

– Корабельный «мозг», слава Богу, не пострадал. Жизнеспособность крейсера поддерживается в полном объеме. «Гея» может продолжать полет либо в обычном линейном режиме, либо в режиме визуальных гиперпрыжков, что не намного лучше. Катастрофа, о которой я говорил выше, как

раз в этом и заключается! Полковник Смол оказался прав: возвращение на Алдан при таких условиях для нас невозможно. Мы пленники глубокого космоса!

По кают-компаниии вновь прошел легкий ропот.

– Прошу всех соблюдать спокойствие, – усталым голосом произнес капитан Эриксон, и взгляд его неожиданно встретился со взглядом Эвы. Женщина смутилась и поспешно опустила глаза.

– Минуту! – поднялся со своего места Александр Полонский. – Иван, нельзя ли более подробно: какие повреждения получил навигационный модуль? Что из оборудования мы потеряли? Возможно ли восполнить эти потери собственными силами и восстановить работу модуля в полном объеме?

– На последний вопрос я могу ответить сразу. Восстановление модуля собственными силами невозможно. Такие глобальные потери в оборудовании и коммуникациях не мыслились даже теоретически. В стационарных условиях ни одна бригада ремонтников, у которой все необходимое для ремонта под рукой, не взялась бы реанимировать наш бывший навигационный модуль. Разве что за особую, дополнительную плату. А насчет того, что конкретно мы потеряли и сколько... об этом я и хотел сейчас поговорить, – с улыбкой ответил Сеньков.

Он пошуршал бумажками, лежавшими на столе, нашел список, состоявший из бесконечного числа пунктов, и нарочито нудным голосом стал зачитывать его, вызывая всеоб-

щую зевоту.

Внимание Пола Эриксона отключилось на четвертом пункте, констатировавшем факт выхода из строя «швейцара» – прибора, с помощью которого корабельный «мозг» тестирует точку выхода из гиперпространства...

Мысли капитана понеслись по привычному кругу...

«Белла... Нет, не верю! Чаминг и она – одно лицо?! Неве­ро­ятно! На совести этого хрупкого создания четыре миллиарда человеческих жизней?»

Капитан живо вспомнил день, когда они познакомились. Это было на концерте поющих улиток в Адугае. Она незаметно села рядом, коснувшись его локтем. Он невольно повернулся к ней... и уже до окончания концерта не мог отвести от нее глаз. Такого с Эриксоном никогда не было. Он влюблялся, да, но это скорее походило на игру в большие чувства. И только когда появилась Белла, он понял, что по­на­сто­я­ще­му еще никогда никого не любил... И вдруг – Белла не женщина! Какой-то Чаминг!... Бред!

Из задумчивости капитана вывел все тот же голос Сенькова. Но теперь помощник капитана говорил с напором, как будто хотел убедить всех в правоте своих слов.

– ...Предварительный анализ показал, что звезда, в поле тяготения которой мы попали, – чеканил первый помощник, – имеет те же характеристики, что и Коиса. И, что самое интересное, третья планета, скорей всего, пригодна для жизни и может быть даже населена разумными существа-

ми. (Вновь оживление присутствующих.) У меня есть доказательства, что мы попали в этот сектор вселенной не случайно, а согласно замыслу все того же Чаминга. Вот! – Сеньков бросил на стол небольшой обугленный предмет.

– Что это? – спросил Эриксон.

– «Жучок». Мы нашли его на линии связи корабельного «мозга» с гиперпространственным двигателем.

– Ну и что? – спросил кто-то из членов экипажа.

– А то, что с помощью «жучка» были изменены параметры гиперпрыжка и на все время работы гиперпространственного двигателя заблокирована обратная связь с корабельным «мозгом». Мы куда-то прыгнули, а куда – никто не знает. «Мозг» в том числе! После выхода из гиперпространства «жучок» саморазрушился. Теперь становится понятной логика поступков Чаминга. Появился ответ на вопрос: зачем Чаминг вывел из строя навигационный модуль? Да просто он не собирался возвращаться! А почему он не собирался возвращаться? Потому, что у него была планета! Планета, о которой никто, кроме него, не знал. Откуда Чаминг взял эту планету, мне неизвестно. Можно было бы спросить у него самого, но он мертв. Планам его помешали осуществиться два обстоятельства: полковник Смол и меткий выстрел Эвы Смит.

Теперь внимание всех присутствующих в кают-компании было обращено на Эву.

– Фактически «Гея» выполнила свое задание – нашла пла-

нету, пригодную для жизни. Но в сложившейся ситуации никто и ничто не запрещает нам пойти дальше! Было бы верхом глупости, если бы мы не высадились на доставшейся нам в наследство от Чаминга планете и не начали бы ее колонизацию! Со всех сторон понеслись одобрительные возгласы.

– Мы устроимся на ней не хуже чем на Алдане! – продолжал чеканить помощник капитана. – Мы создадим новую суперцивилизацию, не зависящую ни от каких Содружеств!

– Это призыв к неповиновению! – крикнул со своего места командир навигаторов Игорь Тинетин, высокий белокурый гигант с застенчивой полуулыбкой на губах. – Мы – представители Содружества Кольца и должны подчиняться его законам всегда и везде. Мы не имеем права колонизировать обитаемые планеты. Это не входит в задание крейсера. Наша задача – найти планету, определить ее пригодность для жизни, и все! Мы не имеем права на контакт! Это дело других служб, подготовленных специально... А «Гея», ко всему прочему, потеряла свой карантинный модуль, без которого всякий контакт становится вообще невозможным... Мне известно, что, несмотря на отсутствие навигационного оборудования, крейсер тем не менее способен совершать не только короткие, но и длинные гиперпрыжки! Скажи это всем!

– Способен-то он способен! Но куда прыгать? Туда? Туда? Туда? И что нас ждет на выходе из гиперпространства? Хорошо, еще один карликовый астероид. А ведь можно за просто оказаться в точке, которая уже занята другим физи-

ческим телом. Со стороны последствия этого выхода будут смотреться очень и очень красиво!

– Мы должны сделать все для того, чтобы вернуться на Алдан! – упрямо сказал Тинетин. – К нашим друзьям, семьям... На родину! Иначе какой смысл...

– Во-первых, почему витанианин называет Алдан своей родиной? – с усмешкой спросил Сеньков, и это был уже вызов всем присутствующим в кают-компании. Алданиане и витаниане были непримиримыми врагами в последней планетарной войне. – А во-вторых, кто это говорит? Это говорит командир навигаторов, который не разглядел врага у себя под носом, который даже приблизительно не может определить, в каком, в конце концов, секторе вселенной мы оказались!

– Это не так! – вновь крикнул со своего места Игорь Тинетин. – Мои люди проводят сейчас кропотливейшую работу. Мы рассчитываем параметры обратного гиперпрыжка. Нам известно главное – время полета в гиперпространстве. Да, в памяти корабельного «мозга» нет информации о режиме, в котором работал гиперпространственный двигатель. Но есть показания тысяч датчиков о поведении корабля во время гиперпрыжка... Анализ этих показаний может дать ответ на вопрос: куда и как прыгать? Нам нужно три дня, чтобы получить точный результат! Возвращение возможно!

– Я не ослышался: точный результат?

– Ну... почти!

– Я понимаю командира навигаторов, – спокойно продолжил свою речь помощник капитана. – Налицо – попытка защитить честь мундира... Плюс – тоска по родине!

– Иван, – прервал Сенькова Пол Эриксон, – давай без перехода наличности. А ты, Игорь, прислушайся к словам моего первого помощника. В них есть смысл. Мне лично нравится идея высадки и контакта. Я ознакомился с вашими вычислениями. Это очень интересно с точки зрения науки... Но все равно: без показаний навигационного оборудования точные расчеты невозможны. Этому же мнения придерживается «мозг», активно вам помогающий. Нам нужно думать о будущем... Продолжай, Иван.

Игорь Тинетин резко поднялся со своего места и демонстративно направился к выходу. Эриксон останавливать его не стал.

В дверях Тинетин столкнулся с доктором Алмером Ликони, который был настолько взволнован, что командир навигаторов остановился и решил подождать, что скажет доктор.

– Капитан! – с порога воскликнул Алмер. – У меня для вас важная конфиденциальная информация. Очень важная!

– Подождите, доктор, – оборвал Ликони капитан Эриксон, – присядьте. Я выслушаю вас после совещания.

Доктор, махнув досадливо рукой, сел за стол. Игорь Тинетин поспешно покинул кают-компанию.

– Мы все находимся под впечатлением от недавних событий, – вновь взял слово Сеньков. – Гибель карантинного мо-

дуля и его команды. Гибель дежурной смены навигаторов... Гибель экипажа «Селены». Наконец, перспектива стать вечными пленниками глубокого космоса... Комиссия по выяснению последствий гиперпрыжка, которую я возглавляю, обращает внимание командиров модулей на настроение экипажа. Точнее, некоторой его части. Обратный гиперпрыжок, на котором они настаивают, неизбежно станет последним для «Геи». Противники и сторонники гиперпрыжка превратились уже в две непримиримые партии. Дисциплинарной службой отмечено несколько столкновений... если хотите, потасовок на этой почве. А капитан между тем ситуацией не владеет. То, что мистер Чаминг и Белла Эриксон оказались одним и тем же лицом, сильно подорвало авторитет капитана. Быть может, настало время подумать о новом капитане, пока все не закончилось открытым вооруженным столкновением, когда каждый припомнит соседу все старые обиды времен становления Содружества.

Кают-компания буквально взорвалась. Со всех сторон одновременно раздались крики протеста.

«Кажется, действительно я что-то проморгал, – подумал капитан Эриксон, – пахнет жареным! Неужели все начнется сначала? Алданиане, – на витаниан, цептуниане, – на тахониан, илирийцы, – на кимвров, – и все вместе, на одного-единственного илионианина, Вуху Иотахо. А каков Сеньков! Ловко он под меня копает».

Пол Эриксон открыл было рот, чтобы вновь призвать всех

к порядку, но его опередил доктор Алмер Ликони, сидевший напротив. Алмер поднял руку и встал. Сразу наступила тишина. Вид доктора, его решительный жест, взгляд – все говорило за то, что сейчас что-то произойдет.

– Пусть извинит меня капитан, – тихо произнес он, но его слышали все: и те, кто был сейчас в кают-компании, и те, кто в этот момент внимательно наблюдал за ходом чрезвычайного совета по своим терминалам во всех модулях «Геи», – но в сложившейся ситуации будет лучше, если я доложу о результатах исследования, которое он мне поручил, не ему лично, как было условлено, а всем. Здесь, сейчас. Мною доподлинно установлено, что...

Доктор Ликони не договорил.

Неожиданно он выпучил глаза, с хрипом сделал длинный вдох и рухнул в кресло.

Иван Сеньков резко вскинул руку, в которой оказался излучатель, но тут же, задохнувшись, согнулся пополам. Он все-таки успел выстрелить, но заряд попал в грудь доктора Ликони: этот день был явно не его днем.

Один за другим все, кто находился в кают-компании, стали вскакивать со своих мест, но тут же, хватая ртом воздух, падали на пол...

«Кто?» – пронеслось в мозгу капитана Эриксона. Он обернулся и увидел в дверях Игоря Тинетина и его людей – навигаторов, одетых в ярко-желтые комбинезоны.

– Мне очень жаль, Пол, – произнес командир навигаторов

и направил на Эриксона оружие, – навигаторам кажется, что потеря жены помутила твой рассудок. Если тебе плевать на себя и на закон, то нам – нет! Именем Содружества Кольца, ты арестован, Пол. Командовать крейсером с этой минуты буду я.

– Чего ты добиваешься, Игорь? – мягко спросил Эриксон.

– Я добиваюсь и добьюсь возвращения на Алдан. Мы потерялись, но я знаю, как найтись. Мои слова, Пол, обращены не только к тебе. Мои слова обращены ко всем, кто слышит меня в эту минуту. Три дня подготовки – и мы дома. Три дня! Всякое сопротивление будет жестоко подавляться.

Командир навигаторов вплотную подошел к Полу Эриксону.

– Ты делаешь ошибку, Игорь! Все это кончится очень плохо. Ты все равно не сможешь сделать точных расчетов. Ты просто врежешься в какую-нибудь планету... А еще чего доброго – прямо в Алдан! Мы все погибнем и прихватим с собой целую цивилизацию!

– Мы еще поговорим на эту тему, – улыбнулся Тинетин и выстрелил.

Эриксон почувствовал, как у него перехватило дыхание, захрипел, пытаясь сделать вдох... Кают-компанию вдруг быстро стал заполнять золотистый, болезненно-яркий пузырь, надуваемый неизвестно кем. Очертания всех предметов до странного исказились. Пузырь достиг невероятных размеров и вдруг... лопнул, вонзившись в тело миллионом

осколков, – тишина... темнота...

Капитан Эриксон стоял на просторной смотровой площадке десантного модуля – места их временного заключения – и смотрел на большой прозрачный участок обшивки – экран. Внизу простирался гигантский корпус «Геи», составленный из нескольких десятков модулей, способных в любую минуту отстыковаться от основного и самостоятельно продолжить полет. Все остальное пространство заполняли звезды. Миллионы разноцветных, немигающих звезд, сбившихся в кучки, – чужие причудливые созвездия, несколько туманностей, преимущественно густого багрового цвета, и поперек экрана – широкая белая полоса, которая странным образом напомнила Эриксону разрез на левой руке Беллы, откуда был извлечен и уничтожен биком, он же – средство связи, а на планетах Содружества – удостоверение с личным кодом гражданина Содружества, страховой полис, кредитная карточка, водительские права, записная книжка, личный секретарь, дистанционный пульт управления бытовыми приборами и так далее. Этот разрез на руке Беллы Эриксон увидел накануне слушания доклада Сенькова, закончившегося так трагически. Капитан тайком заглянул в модуль генетиков, где в прозрачных саркофагах с физиологическим раствором хранились тела погибших... Он все еще любил ее. Тысячу раз любил, будь она хоть Чаминг, хоть сам дьявол...

– Как молоко пролили...

– Что? – Эриксон совсем забыл про Эву, ради разговора

с которой один на один он находился здесь, на смотровой площадке.

– Я говорю: эти россыпи звезд похожи на пролитое молоко, – сказала Эва. – Неужели ты ничего не можешь сделать с собой, Пол? Ты второй день сидишь сложа руки, смотришь в одну точку, вместо того чтобы действовать. Слушай... – Эва перешла на шепот. – Сеньков наладил связь с Петром Мейси. Он и его люди забаррикадировались в дисциплинарном модуле. Они готовы начать войну с навигаторами. Для этого у них достаточно сил и оружия. Одно твое слово и... Очнись, Пол. Ты же капитан!

Оттого ли, что Эва назвала его по имени, или же потому, что не было сейчас рядом лишних глаз и ушей, Эриксона словно прорвало.

– Одно слово, говоришь, и сотни, а то и тысячи трупов?... Мне странно, что до сих пор погиб один только доктор Ликони. Мне странно, что Тинетин приказал своим людям стрелять, но не убивать нас... Какая разница? Останься мы здесь, вернись мы на Алдан – что изменится? Ничего.

Эва крепко сжала руку Эриксона.

– Прекрати. Хочешь знать, что чувствую я? Белла не имеет к Чамингу никакого отношения.

– При чем здесь Белла? – попытался возразить капитан.

– При том! Из-за нее ты до сих пор не можешь прийти и себя!

– Из-за нее или из-за него? – усмехнулся Эриксон.

– Не ерничай, Пол. Мы вместе были там. Но ты видел одно, а я видела совсем другое. Белла сама – жертва. Я уверена, что именно это хотел сказать доктор перед своей нелепой смертью. Но если бы я тогда не выстрелила первой... – Эва замолчала, поняв, что затронула тему, о которой стоило забыть совсем.

Эриксон высвободил свою руку, бросил на Эву брезгливым взгляд.

– Стрелок ты отменный, – медленно проговорил он. Эве Смит ничего хорошего эта похвала не предвещала.

Женщина отвела взгляд, посмотрела туда, куда только что смотрел капитан Эриксон, и вдруг от неожиданности вскрикнула Пол, забыв обо всем, что собирался наговорить Эве, резко повернулся к экрану.

– Боже мой... – только и мог выговорить он.

На сравнительно небольшом расстоянии от крейсера, величиной с сам крейсер, если не больше, висело бесформенное, со множеством отростков, розоватое тело.

– Откуда это взялось? – шепотом спросила Эва. – Кажется... Кажется, оно живое! Смотри, Пол!

Отростки, похожие на недоразвитые конечности, до сих пор неподвижные, торчавшие во все стороны, зашевелились, начали удлиняться... Они тянулись! Тянулись к «Гее»!

– Полонский! Сеньков! Ребята, сюда! – крикнула Эва. Через минуту все, кто по приказу самопровозглашенного капитана Тинетина разделил участь Пола Эриксона, собрались на

смотровой площадке. Эриксон оказался прижатым к самому экрану и чувствовал себя неуютно, если не сказать больше.

Отростки огромного тела продолжали удлиняться и все так же тянулись к «Гее». Их было невероятное количество – по несколько сот на каждый модуль.

– Это «пожиратель звездолетов»! – взволнованно выпалил кто-то. – Я слышал много раз о нем! Но чтобы так!...

– Я тоже слышал. Гость из других измерений.

– Кажется, эта штука действительно хочет нами пообедать!

– Подавится!

– Что же Тинетин?! Ничего не видит! – воскликнул Иван Сеньков. – Хоть бы защитный экран поставил!

В этот момент по кораблю прошла легкая дрожь. Тело, тянувшее к крейсеру свои отростки, затуманилось.

– Есть защитный экран! – опять послышалось сзади.

– Александр, – обратился Эриксон к Полонскому, – мне нужна связь с Игорем.

– Есть, капитан, – отчеканил тот и стал протискиваться сквозь многочисленную толпу к выходу, который охранялся навигаторами. Связь с основным модулем была блокирована, и только через людей Тинетина можно было добраться до него.

Вслед за Полонским к выходу со смотровой площадки стал пробираться командир биологического модуля Федор Шумаков.

– Смотрите! – раздался чей-то крик.

Отростки, наткнувшись на защитный экран, долго ощущали его, в какой-то момент замерли – и вдруг дымка, покрывавшая гигантское бесформенное тело, исчезла.

– Оно слопало наш защитный экран!

– Надо же было чем-то подстегнуть аппетит.

– Всем назад! – крикнул капитан, но уже было поздно. Отростки, медленно продолжавшие вытягиваться, в один миг вдруг многократно увеличили свою длину и коснулись смотрового экрана.

Эриксон думал, что у них есть немного времени, чтобы отступить в соседний отсек и перекрыть выход на смотровую площадку, прежде чем тварь, угрожавшая им, успеет справиться с обшивкой, но он ошибся.

Отростки... нет, уже не отростки, а гигантские щупальца проникли сквозь сверхпрочный прозрачный материал, как проникали сквозь него лучи света. Эриксон не успел понять, что же на самом деле произошло. Он только почувствовал, как одно из щупалец скользнуло по его руке и обхватило того, кто был за его спиной. Раздался крик первой жертвы. И этого было достаточно, чтобы началась паника.

Быстрые отвратительные щупальца, которые от соприкосновения с атмосферой «Геи» покрылись слизью, находили одну жертву за другой. Люди капитана Эриксона гибли, а он стоял неподвижно, парализованный ужасом. Стоял неподвижно!

– Всем замереть! – что есть силы крикнул Пол, стараясь перекрыть крик уже неуправляемой толпы и не делать резких, размашистых движений. – Всем замереть!

К счастью, его услышали. Толпа еще не была толпой в роковом смысле этого слова. Люди подчинились приказу капитана. Вмиг повисла зловещая тишина, которая в любую секунду могла быть нарушена истерическим визгом. Эриксон не мог оглянуться. Движение – смерть! Это капитан даже не понял, а почувствовал сразу, как только щупальце скользнуло мимо него и жертвой стал тот, кто попытался спастись бегством. Что творится у него за спиной, Пол и так знал: нелепые позы, вытянутые лица, покрытые холодным потом, с гримасами, которым позавидовал бы самый искусный комик... И еще капитан понял, почему не произошло разгерметизации десантного модуля, в котором они находились. Тот, кто сказал «гость из другого измерения», был абсолютно прав. Тварь, атаковавшая крейсер, выползла минимум из четырехмерья. А понятий «обшивка корабля», «замкнутое пространство» для гостя из других измерений не существует.

Десятки щупалец, исходя зловонной слизью, тоже замерли. Пол стоял все так же вплотную к смотровому окну. Он видел, как тысячи других щупалец впились в остальные модули «Геи». Там сейчас гибли его люди. Им Эриксон ничем не мог помочь. «Ну что же ты, Игорь!» – воскликнул про себя капитан. И в этот момент в сторону бесформенной мас-

сы метнулся короткий луч – залп главного орудия, способный развеять в пыль даже небольшую планету, не то что какого-то «пожирателя звездолетов».

«Наконец-то», – облегченно подумал Эриксон.

Но радоваться было рано.

Получив несколько пучковых зарядов, тварь пришла в движение, все ее бесчисленные щупальца втянулись внутрь.

Капитан быстро обернулся, ожидая увидеть множество погибших, но, к своему удивлению, увидел только живых, с бледными, искаженными ужасом лицами.

Пол встретился глазами с Сеньковым.

– Они всего лишь исчезли, капитан, – пояснил тот. – «Пожиратель» просто сворачивал вокруг них пространство... Медленно... Я видел, как утекала в никуда плоть, перемолотая в фарш вместе с лохмотьями комбинезона... Даже пятнышка крови, даже ниточки с одежды не осталось...

– Прекрати! – умоляюще попросил женский голос. Цептунианин замолчал, и все взоры вновь были обращены на «пожирателя звездолетов».

Бесформенная масса поеживалась, принимая в себя уже непрерывные залпы с крейсера, но казалось, ей эта процедура доставляет только удовольствие.

Еще один залп, и тварь стала надвигаться на «Гею» всей своей массой, медленно увеличиваясь в объеме, словно раскрывая безразмерную, бездонную пасть.

Что же он не попробует оторваться?!

В этот момент по кораблю вновь прошла легкая дрожь. Звезды на смотровом экране вычертили длинные дуги – «Гея» развернулась и мгновенно набрала предельную скорость. Странное, зловещее существо запульсировало, но осталось на своем прежнем месте, как будто крейсер не летел со скоростью, близкой к скорости света, а продолжал неподвижно висеть там, где висел.

– Подныривает в гиперпространство! Словно дельфин! – тихо сказал кто-то рядом с Эриксоном.

«Это конец!» – понял капитан.

– Аннигилятор!... – прошептал тот же голос.

Только сейчас Эриксон осознал, что говорила Эва. Она все это время стояла рядом, готовая разделить с капитаном страшную участь, уготовленную им.

– Какой аннигилятор? – не понял капитан.

– Который Чаминг оставил на «Гее».

– Нет никакого аннигилятора. Мы обыскали все.

– Он в одной из десантных капсул.

– Откуда ты знаешь? – вцепился в Эву Эриксон.

– Я не знаю! Это у меня в голове.

– Номер капсулы! Живо!

На глазах у Эвы выступили слезы.

– Номер я смогу назвать, только когда все капсулы покинут «Гею».

– Я все понял! – зло прошептал Эриксон. Он оттолкнул от себя Эву и повернулся к своим людям. – Внимание – приказ

всем! На каждого – по капсуле! Через пять минут мы должны покинуть «Гею»!

Оказывается, было большой удачей, что Тинетин выбрал в качестве тюремной камеры десантный модуль, что под домашним арестом оказалось достаточное количество народу и можно было стартовать одновременно всем десантным капсулам, находившимся здесь.

И вновь быстрый бег по узкому тусклому переходу, на сей раз ведущему в причальный отсек. Пол хотел запрыгнуть в одноместную капсулу с номером тринадцать, но его опередили. Пришлось занять четырехместную, с номером семнадцать... В какой-то момент Эриксону показалось, что за спиной, на месте второго номера, кто-то сидит. Он оглянулся – никого. Действительно показалось.

– Третий готов, – услышал капитан. – Первый готов... Одиннадцатый готов... Сорок четвертый готов... Сотый готов...

Голоса слились в сплошной гул и вдруг смолкли – все капсулы были готовы покинуть «Гею».

– Старт! – крикнул Эриксон.

Мгновение – и перед ним вдруг разверзлось звездное небо.

Пол стартовал согласно своему порядковому номеру. Четким строем капсулы понеслись в сторону бесформенной бледно-розовой массы, продолжавшей медленно надвигаться на крейсер и увеличиваться в размерах.

С «Геи» уже не палили почем зря, поняв, что это бесполезно. Все следили за десантными капсулами. За действиями капитана!

– Капитан! Слышите меня? – раздалось в голове Эрик — сона.

– Чаминг!

– Да, это я. Как видите, капитан, игра продолжается. Я же говорил, что со мной будет интересно.

– Значит, Белла...

– Значит, значит, капитан. Скажите спасибо непредвиденным обстоятельствам. Признаюсь, хотелось хорошенько отдохнуть на третьей планете. Верите ли – устал от злодейств. Но судьба корректирует даже мои планы. Сегодня у нас с вами одна цель – выжить!

– Хватит! Я понял, что ты задумал. Назови номер.

– С удовольствием. Прикажете всем держать курс прямо в брюхо этому монстру.

– Внимание! Делай как я! – приказал Эриксон, выравнивая курс своей капсулы.

Все остальные повторили его маневр.

– Номер! – потребовал Пол. – Можно еще спасти пилота!

– И потерять драгоценные секунды?! Могу сказать только, что лично вам, капитан, повезло. Вы вытянули счастливый номер.

У Эриксона екнуло сердце – не он! И тут же стыд обжег его. В голове капитана послышался глухой щелчок и вслед

за ним – голос:

– Я тринадцатый! У меня проблемы! Потеря управления!

– А вот и номер будущего героя, – спокойно заметил Чаминг, – тринадцатый.

И еще раз екнуло сердце Эриксона. Он ведь чуть было не занял место в тринадцатой капсуле!

– Гад! – прокричал тринадцатый. – Я не хочу!

– Вот этого я и боялся больше всего. Но теперь, к счастью для остальных, уже нельзя ничего изменить... Что сейчас будет! А ну, все – врассыпную!!!

И хотя приказ исходил не от капитана, а от неведомого Чаминга, все десантные капсулы тут же поменяли направление движения на противоположное.

Тем же курсом продолжали двигаться только две – номер тринадцать и номер семнадцать.

– Это, конечно, ваше дело, капитан, – раздался голос Чаминга, – но, поверьте, без вас мне будет скучно.

– Капитан! Не бросайте меня! – кричал тринадцатый.

– Прости, брат, – прошептал Эриксон.

Бесформенная, колышущаяся масса рванулась вниз и вправо – и перед капитаном возник корпус «Геи». Выровняв курс, Пол взглянул на терминал заднего обзора. Капсулы номер тринадцать уже нельзя было различить...

«Сейчас это произойдет!» – подумал Эриксон. Корпус крейсера неожиданно залил яркий свет, и из серого он стал ослепительно белым. Спасены...

– Чаминг, – спокойно сказал капитан, – я найду тебя. Ответом ему было молчание.

ГЛАВА 4

На ступеньках бывшего Дома культуры пищевиков стоял молодой человек и пристально глядел куда-то в противоположный конец улицы. Он явно кого-то ждал и явно нервничал. Моросил дождь, по-осеннему нудный, но молодой человек не обращал на него внимания и теребил в руках нераскрытый зонтик.

Вокруг, несмотря на ненастье, суетились люди, то и дело спрашивая лишний билетик. Молодой человек только молча отрицательно качал головой на все вопросы.

– У вас лишнего билетика не будет? – опять кто-то обратился к нему. На сей раз это была очень миловидная девушка. Единственное, что ее портило, – мелкие красноватые пятнышки на подбородке.

– Какой лишний билетик! Как бы вообще не пришлось отменять встречу, – недовольно ответил молодой человек, но вдруг, смягчившись, произнес: – У меня действительно нет лишнего билета, но я могу провести вас в зал. Я – ее менеджер. – И он кивнул на афишу, висевшую за его спиной. На афише была фотография женщины, простиравшей руки над невидимой толпой.

– Вы не шутите? – Глаза девушки широко распахнулись.

– Честное слово... Вас как зовут?

– Светлана.

– Держитесь, Светлана, рядом.

Молодой человек так увлекся разговором, что не заметил, как к бывшему Дому культуры подъехали белые «Жигули». Из машины вышла женщина, та самая – с афиши, в черном платье и ярко-красном блейзере. Женщина выглядела довольно молодо. Никаких украшений: ни сережек, ни цепочек, ни колец на ней не было. Только нитка черного жемчуга, стягивающая волосы в тугой «хвостик» на затылке.

Женщина кивнула водителю и начала подниматься по ступенькам. Именно в этот момент ее и заметил молодой человек.

– Злата Петровна! – бросился он к ней, поспешно раскрывая зонтик. – Я уже волнуюсь: не случилось ли чего-нибудь?

– Машина подвела. Пришлось ловить частника. Глаза Златы и глаза Светланы встретились.

– Злата-Марина! – крикнул кто-то из оказавшихся рядом. Тут же набежала толпа.

– Волшебница наша!

– Златушка-Маринушка – спасительница! Злата остановилась, подняла руку:

– Я всем помогу! Никто не останется без моей помощи. Пожалуйста, проходите в зал.

– А у кого нет билетов? – раздалось из толпы.

– Сейчас я поговорю с администратором и все устрою. – Злата пошла дальше, и больше ее никто не останавливал. – Сережа, – обратилась она к молодому человеку, – неужели

нельзя было договориться?

– Да я... – стал оправдываться молодой человек.

– Ну ладно, ладно, – успокоила его Злата, – я поняла: он не внушаемый.

Администратор, по фамилии Безобразов, действительно оказался трудно внушаемым. Злата пожалела, что взялась разговаривать с ним один на один в кабинете, скорее напомиавшем антикварную лавку: каминные часы, подсвечники, хрустальная люстра...

– Зал не резиновый! – возмутился администратор, и хрусталь на люстре тоненько звенел. – А если, не дай Бог, пожар?! Почему я должен продавать стоячие места в два раза дешевле?

Что я скажу директору? Думаете, он мне поверит, что я не прикарманил часть денег? Мало нам ночных дискотек, малолетних наркоманов и сопливых проституток? Мало! Ему еще и всяких заразно-прокаженных подавай! Умолял же: Василий, никогда, никогда больше не связывайся с экстрасенсами и прочими гипнотизерами-шарлатанами. Не про вас будет сказано, Злата Петровна. Хватит, хватит с нас одного покойничка! Злата насторожилась.

– О чем вы говорите? Какой покойник? – спросила она администратора.

– О чем, о чем... Вы разве не слышали эту историю? Что здесь у нас произошло год назад?

– Год назад я еще жила в Сибири...

– А-а-а! – досадливо махнул рукой Безобразов. – Гипнотизер выступал. Загипнотизировал одного до смерти. Пришлось «скорую» вызывать. «Глубокий гипноз», – сказали и увезли. Верите ли, чуть меня с работы не сняли. А куда бы я пошел? У меня жена и любовница. И обе, представьте себе, есть просят.

– Неприятная история.

– Еще бы! Я бы даже сказал, пренеприятная. И где-то даже мистическая. Все это было аккурат в день рождения моей жены, и фамилия бедняги, – представьте, совпала с девичьей фамилией моей благоверной – Чеботарев.

– А когда день рождения вашей жены?

– Ровно через неделю. В самом деле! Совсем забыл. Ровно через неделю была годовщина смерти бабки Настасьи.

– Ладно, – подытожил администратор, – только для вас, Злата Петровна. – И Безобразов неприлично захихикал. – По правде говоря, я с месяц назад побывал на вашем выступлении. Если бы вы знали, как вы мне помогли!

Злата хотела поподробней расспросить о человеке, которого не смогли вывести из глубокого гипноза, но что-то ее удержало.

«После выступления, – сказала она себе. – Скорее всего администратор самое важное успел забыть и придется помочь ему вспомнить все».

– Значит, договорились. – Безобразов перешел на шепот. – «Стоячие» билеты продаем как «сидячие», а разницу

пополам. – Злата промолчала.

– Вот и отлично! Как говорится, Злата Петровна, деньги хоть и малые, а все же к деньгам. Лично на меня ваш взлет производит большое впечатление. Меньше года в Питере, а уже свое прибыльное дело. Клиника, школа экстрасенсов, домик на Каменном острове с охраной... Видите, я про вас все знаю... В общем, после выступления заходите ко мне за своей долей. Я буду ждать.

– Зайду, – холодно ответила она, а про себя подумала: «Придется тебе, дорогой, сделать очень серьезную промывку мозгов».

Разговор с администратором оставил у Златы неприятный осадок. Она прошла в отведенную для нее комнату и несколько минут, расслабившись, сидела неподвижно на стуле, прислушиваясь к себе, пытаясь определить, насколько она сильна сегодня.

В последние несколько дней Злату не покидало ощущение надвигающейся опасности. Самое главное, она не могла определить, откуда опасность исходит.

После той ночи, в которую было выпито зелье, приготовленное по рецепту бабки Настасьи на белых водорослях из Чертова озера, Злата какое-то время изучала себя, определяя границы своих новых способностей. Она не без удивления заметила, что ее экстрасила – величина непостоянная, напоминавшая морские приливы и отливы. После долгих размышлений Злата поняла одно: сила ее зависит от си-

лы вибрации тела. Зелье подарило ей способность подчинять своей воле даже самых сильных людей, способность делать всевозможные прогнозы на будущее, способность делать погоду – в прямом смысле, способность исцелять даже самых безнадежных больных. Если вибрация была слабой, Злата превращалась в обыкновенного человека. Но если с вибрацией было все в порядке, она вдруг чувствовала в себе настоящую силу... Она достаточно точно могла ответить на любой вопрос, касающийся будущего; могла заставить кого угодно делать все, что угодно ей; могла летом вызвать снег, а зимой грозу... Но такое состояние, когда ей было дано очень и очень многое, овладевало Златой всего несколько раз. Первый – в ту ночь, когда заговорила мертвая бабка Настасья. Второй – когда она решила попробовать свои силы в игре на бирже...

Все зависело от силы вибрации ее тела... От чего зависела сама вибрация, Злате оставалось только догадываться. Причины могли быть самыми прозаичными: от магнитных бурь на Солнце до неправильного рациона питания.

Да, теперь она могла многое, но для полного комплекта Злате не хватало телепатии. Читать чужие мысли она не умела, о чем сожалела не раз. Она могла, притронувшись к человеку, точно сказать, что тот задумал: хорошее или плохое. Но что именно – это оставалось для нее закрытым. Телепатии ей не хватало... очень...

Злата прислушивалась к себе, сидя в комнате, заставлен-

ной фикусами и пальмами в кадках, но чувство смутного беспокойства мешало точно определить, на что она сегодня способна.

Три дня назад девушка приняла решение: вызвать Виктора. Ей нужен был человек, на которого она могла полностью положиться. Который, в случае чего, ценой собственной жизни мог спасти ее жизнь. Таким человеком был Виктор.

Это произошло в ее доме на Каменном острове. Злата зашторила окна в кабинете и сосредоточилась. Долго ничего не получалось, и вдруг появился двор фермера Семена Петровича. Был ранний вечер. Виктор, до пояса голый, рубил дрова. Его отец таскал колодезную воду в баньку, из трубы которой вился легкий дымок.

«Это я», – сказала про себя Злата.

Топор выпал из рук Виктора. Он выпрямился и замер.

«Ты нужен», – вновь произнесла про себя Злата.

Молодой человек быстро прошел в дом... картинка тут же затуманилась и исчезла.

Сейчас Злата сомневалась, удалось ли ей вызвать Виктора. По идее, он должен был уже объявиться в Питере.

– Пора! – заглянул в комнату Сергей.

Злата вздохнула и поднялась со стула.

Все же она сумела избавиться от мешавшего ей беспокойства и сразу почувствовала, что сегодня может сделать многое. Злата легко овладела залом, и выступление пошло по

хорошо отработанному сценарию: слова приветствия – пятиминутная вступительная речь – коллективная медитация – и наконец работа индивидуально.

К сцене выстроилась длинная очередь жаждущих почувствовать на себе прикосновение волшебной руки Златы-Марины – ведуньи, знахарки, экстрасенса.

Люди сменяли друг друга. На каждого Злата тратила всего несколько секунд. Она проводила в воздухе рукой, чувствуя, как ее тело чутко реагирует на все чужие болячки, потом брала человека за руку, другой рукой касалась его лба – человек делал рефлекторный вдох, с удивлением оглядывался, словно видел мир впервые, и непременно улыбался.

И конечно, никто не мог догадаться, что она успевала за такое короткое время не только исцелить больного, но и проверить, есть ли у него биком с личным кодом, который назвала ей старая Настасья.

Каждый, кто пришел на выступление, мог задать ей единственный вопрос, и Злата тут же, опять взяв человека за руку, давала ответ.

– У меня пропал сын. Он жив или погиб?

– Жив. Он находится в плену. Это в Африке. Но вам не нужно ничего предпринимать. Через месяц он бежит, а еще через три будет с вами.

– Муж ушел к другой. Я хочу, чтобы он вернулся.

– Не обижайтесь, но в вас говорит гордыня. Вы не любите своего мужа. Но вы полюбите очень скоро. Это будет насто-

ящая, чистая и большая любовь.

К Злате подошла девушка, с которой она виделась накануне, – Светлана. Сергей успел представить ее. Злата взяла девушку за руку, коснулась ладонью прохладного лба. Она бы не удивилась, если бы перед ней оказался долгожданный Хранитель. Было в ауре девушки что-то, что резко выделяло ее из общего ряда, что обнадежило Злату, но... перед ней был обыкновенный человек.

Когда Светлана спустилась со сцены, Злата вдруг почувствовала: происходит что-то не то. Вроде все было как обычно, но что-то ей мешало. Что? Она никак не могла понять.

– Когда я умру? Не подскажите, Златушка? – спросил ее бодрый старикан, которого Злата только что избавила от болей в спине. – Хотелось бы погулять напоследок... Извиняюсь...

Она взяла его за руку, но ничего не почувствовала! Тогда она прислушалась к себе – так и есть: тело вибрировало уже совсем по-другому...

Старику Злата сказала первое, что пришло в голову, – соврала... Будущее на неопределенный срок стало для нее закрытым.

Злата-Марина с трудом закончила выступление. Зал не хотел ее отпускать, но она ушла.

За кулисами ее встретил Сергей.

– С вами все в порядке? – предупредительно спросил он.

– Все в порядке, – Злата потрясла кистями рук. – Сергей,

мне нужно поговорить с администратором один на один. На сегодня – все. Завтра в девять в клинике.

Она даже не стала заходить в отведенную ей комнату, чтобы немного отдохнуть, привести себя в порядок, а сразу направилась в кабинет Безобразова.

Постучав и не дождавшись ответа, Злата открыла дверь, хотела переступить порог, но замерла на месте.

На полу с широко раскрытыми глазами лежал администратор. Он был мертв. Это Злата почувствовала сразу. Она медленно подошла к труп и дотронулась рукой до виска Безобразова.

– Он мертв? – слышалось сзади. Злата узнала голос своего менеджера.

– Хорошо, что ты не ушел, Сергей. Нужно вызвать милицию. Кажется, я вхожу в черную полосу.

* * *

Милиция приехала только через полчаса. У Златы было достаточно времени, чтобы обдумать произошедшее.

Следователь оказался довольно молодым человеком, в потертых джинсах, кроссовках. Карман куртки оттопыривал плеер.

Кабинетом администратора занимались криминалисты и фотограф. А следователь, который попросил называть его Алексеем, вел допрос прямо в коридоре, пристроившись на

широком подоконнике. Показания он заносил в портативный компьютер, действуя одной рукой, но довольно быстро.

– Как давно вы знали господина Безобразова? – спросил Алексей, не переставая с удовольствием жевать резинку.

– Вы совершенно не похожи на следователя, – сказала Злата.

– Это не ответ. Хорошо. Пойдем другим путем. Имя, фамилия, отчество.

– Злата Тихомирова. По бабушке – Петровна.

– На афише – Злата-Марина...

– Это мой псевдоним.

– Очень хорошо. Возраст?

– Восемнадцать.

– Сколько?! Выглядите на двадцать с лишним. Лицензия на проведение сеансов лечения, конечно, имеется?

Злата достала из сумочки лицензию. Следователь внимательно изучил ее, переписал для себя какие-то данные.

– Интересно, сколько такая бумажка стоит в баксах?

– Хотите, избавлю вас от зубной боли?

– Какая боль... – смутился следователь, – как вы догадались? – смутился он еще больше. – Хотите доказать, что вы действительно что-то можете? Валяйте.

Злата потерла ладони одну о другую и провела рукой вдоль щеки Алексея. Тот изменился в лице.

– Ей-богу, прошло!

В этот момент мимо них пронесли носилки, на которых,

покрытый простыней, лежал администратор Безобразов.

– О, кабинет освободился. Пройдемте. А вы ждите своей очереди! – сказал следователь Сергею, смиренно стоявшему в сторонке.

Злата бросила внимательный взгляд на своего менеджера. Ее удивила необычная бледность Сергея, но самое главное, от него шли еле уловимые флюиды страха. Злата остановилась. Она уже почти поняла, чего боится менеджер, но следователь подтолкнул ее легонько в спину:

– Проходите, проходите, – и это все испортило. Обстановка администраторского кабинета придавала дальнейшему разговору официальность.

– Вы знали, что Безобразов приторговывал наркотиками?

– Что-о-о?!

– О том, что он вербовал малолетних девочек для подпольных публичных домов, вы тоже не знали?!

– Для меня это откровение.

– С зубами-то у вас, Злата Петровна, здорово получается.

Но человек, знаете ли, это не только тело, это еще и душа.

– Я догадываюсь.

– Почему вы не носите драгоценностей?

– Странный вопрос... Это мой стиль.

– Кассир призналась, что часть денег из кассы – неучтенных денег – передала Безобразову, который в связи с ними – с деньгами – упомянул ваше имя. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Только то, что деньги, причитающиеся мне, всегда перечисляются на банковский счет моей клиники. С наличными я дела не имею.

– Так и запишем!... – Он застучал по клавишам компьютера.

Алексей задал еще несколько вопросов. Злата отвечала односложно. Следователь стал потихоньку раздражать ее, и она ничего не могла с собой поделать. Можно было бы взять и просто усыпить надоевшего Алексея, но она не хотела вступать в конфликт ни с милицией, ни с какими другими службами. Тем более что один подобный конфликт у нее уже был.

– Ну вот и все. – Алексей распечатал показания, и Злата, не глядя, подписала все три экземпляра.

– Наверное, придется встретиться еще раз, Злата Петровна. Я вызову вас повесткой... И еще один вопрос. Не для протокола. Если вы настоящий экстрасенс, вы должны знать: кто переломал Безобразову шейные позвонки?

– Я могу идти? – ответила Злата вопросом на вопрос. В ответ следователь молча кивнул.

В коридоре Злата перекинулась несколькими словами со своим менеджером, подтвердила, что будет ждать его завтра в клинике. Сергей уже был совершенно спокоен. От флюидов страха, исходивших от него, ничего не осталось.

– Дождитесь меня, – сказал Сергей, – уже поздно. У меня машина. Я отвезу вас домой.

– Спасибо, Сережа, я доберусь сама.

– Все-таки я прошу вас: дождитесь. У меня нехорошие предчувствия.

– Кто из нас провидец? Я или ты?! – Злату рассердила настойчивость Сергея.

– Поливайло! – послышалось из кабинета администратора. – Сколько можно ждать?

Злата вышла на улицу – уже пустую, без восторженных почитателей ее необыкновенного дара, каждый раз поджидавших «волшебницу Злату-Марину» после выступлений.

Было довольно светло – стояла белая ночь – и непривычно тихо.

Она очень удивилась, когда нигде не увидела своей машины, но тут же вспомнила, что бросила ее на другой улице.

Нет, один человек все же поджидал ее. Из-за колонны вышла Светлана. Она молча смотрела на Злату, не пытаясь ни подойти, ни заговорить. Это было очень странно. Злате даже стало не по себе. Ей, которая могла подчинить своей воле кого угодно за считанные минуты! Она была смущена, сбита с толку.

Молчание и борьба взглядов, в которую Злата включилась слишком поздно, становились все невыносимее, но, к счастью, в конце улицы послышался шум мотора. Злата торопливо махнула рукой. Рядом с ней остановился черный «мерседес» с тонированными окнами. Дверца открылась, и Злата, даже не посмотрев, что за люди сидят в машине, не перекинувшись с водителем ни словом, быстро села на переднее

сиденье. И только тогда, когда из-за спины чья-то рука нажала кнопку блокировки двери, она поняла, что допустила роковую ошибку.

Ощущение опасности пришло слишком поздно.

Другая рука зажала ей рот носовым платком, сладко пахучим. Тут же в плечо, прямо сквозь одежду, впиалась игла.

– Готово! – услышала она голос.

– Пристегни ее, и поехали. «Папа» уже, наверное, все ногти сгрыз, – ответил другой голос.

Тихо заурчал мотор. Злату мягко вжало в сиденье.

Она не потеряла сознания. Хотя, судя по разговорам, те, кто находился в салоне, были уверены, что она полностью отключилась.

– Ладная девочка. Прямо Спящая Красавица. Может, попользуем, мужики? Только, чур, я первый.

– А потом тебя попользует «папа». Что было сказано? Привезти в целости и сохранности.

– Ну дай хоть ее понюхаю.

– Это можно. Пахнет от нее клево, французскими духами.

– Майкл! Что ты все молчишь? Ты сегодня какой-то не такой.

– Съел чего-то. Нехорошо.

– Если ты начнешь харчи метать, я тебя заставлю вылизать все языком! Понял? Мне «мерс» по заказу у самого Шнитки угнали.

Злата слышала разговор, находясь в состоянии полусна.

Она пыталась шевельнуться, но тело не подчинялось ей. И все равно она не сдавалась, мысленно прощупывала каждую мышцу, возвращая их одну за другой к жизни.

Только бы они ехали подольше. Тогда она сумеет сбросить с себя оцепенение и... держитесь!

– Не нравится мне этот «жигуль» сзади. Бобер, ну-ка проверь.

– Точно – спецы. Слава Богу, смогли оторваться. Как они нас «вычислили»? Ладно – потом. Бобер, давай, на всякий случай, сворачивай на проселок.

Значит, они уже за городом...

Машину стало кидать на ухабах. Злата воспользовалась тем, что ее тоже стало кидать в разные стороны, – пробовала незаметно шевелить руками, к которым постепенно возвращалась привычная чувствительность.

Прошло еще несколько минут такой езды, и Злата сказала себе, что теперь может сделать с теми, кто находился рядом, – все!

При очередном толчке Злата как бы случайно коснулась водителя, но ничего не произошло. Она не поверила и еще раз дотронулась до Бобра, мысленно приказывая ему: «Тормози!» И вновь – никакого результата.

«Чем они накачали меня? – в отчаянии подумала девушка. – Неужели самой теперь не выкарабкаться?»

Неожиданно машина затормозила. Злата чуть приоткрыла глаза и тут же закрыла, сумев разглядеть, что они подъехали

к одинокому дому на берегу залива, окруженному забором. У ворот – несколько человек, судя по всему – охрана.

Злате ничего другого не оставалось, как продолжать играть роль Спящей Красавицы.

Заскрипели ржавые петли, машина въехала во двор и вновь остановилась. Открылись двери.

– Майкл, помоги выволочь эту куклу. Да смотри, чтоб тебя не пронесло от натуги.

Ее взяли на руки, и в этот момент что-то произошло. Злата вдруг почувствовала, что падает. Она напрягла тело – удар о землю не был болезненным. Падая, она открыла глаза.

Молодой человек, стоявший над ней, держал наготове пистолет. Перед ним в нелепых позах замерли трое громил.

– Майкл, ты случайно не белены объелся? Пушку-то опусти. Майкл нажал на курок – и говоривший, не охнув, упал. Еще два выстрела – и двое других, не успевших даже пошевелиться, легли рядом со своим дружкой.

Злата успела вскочить на ноги. Майкл схватил ее за рукав:

– К сараю! Пригнись!

Она пригнулась, и вовремя. Раздалась автоматная очередь. Пули просвистели чуть выше.

– Не стрелять! – крикнул кто-то со стороны дома. – Она нужна мне живая!

Сараем оказалось небольшое бревенчатое строение без окон, заваленное всяким хламом.

– Здесь можно продержаться с полчаса, – деловито сказал

Майкл, занимая позицию у двери.

В сарае было темно. Злата никак не могла разглядеть лица своего спасителя.

– Я ничего не могу понять. Что происходит? Кто вы такой?

– Миша! – опять раздалось со стороны дома. – Не валяй Дурака! Отдай мне девчонку – и можешь убираться на все четыре стороны!

– Подумать можно? – крикнул в ответ Михаил.

– Даю тебе пять минут! Майкл посмотрел на Злату.

– Вы как? Отошли? – спросил он. Она сразу поняла, о чем говорит ее неожиданный спаситель. Злата потеряла ладони друг о друга, потрясла кистями, посмотрела по сторонам. Она разглядела на земляном полу ржавый гвоздь и направила на него руку. Гвоздь шевельнулся и вдруг прыгнул – Злата поймала его на лету.

– Я в порядке!

– Вот и отлично. Здесь направо, в пяти метрах, в заборе не хватает нескольких досок. Нужно отвлечь бойцов. В подвале дома – баллоны с газом... Сможете взорвать?

– Я не фея и не колдунья. Это выше моих сил.

– Пять минут прошло! – послышалось опять со стороны дома.

Раздался хлопок, по воздуху чиркнула огненная линия, над их головами зазвенело разбитое стекло – и сразу сверху потянуло дымом.

– Чердак подожгли, собаки. Ну, что будем делать? А при-

казать этим архаровцам, чтобы они побросали оружие и строились по двое во дворе, сможете?

– Вы зря иронизируете. Могу. Но для этого нужно особое состояние. Сейчас я как минимум должна видеть человека. Но лучше до него дотронуться.

Дым становился все гуще. Сверху стали сыпаться искры. Тут и там в куче хлама вспыхивали язычки пламени.

Михаил и Злата легли на землю – так еще можно было дышать.

Наконец-то девушка получила возможность разглядеть человека, который, наверное, спас ей жизнь. У него были широко расставленные глаза, густые брови и тонкий, правильной формы нос. Не красавец. Нет. Но обаятельный. Его лицо показалось ей знакомым.

– Придется выходить, – с досадой сказал Михаил. – Ну нет! Не может быть, чтобы здесь не было выхода! – И, вскочив на ноги, он с остервенением, кашляя и отплевываясь, стал разгребать кучу хлама, заодно сбивая с него еще слабое пламя.

– Вы мне так и не ответили: кто вы такой? – перекрикивая шум огня, гуляющего по крыше, спросила Злата.

– А еще экстрасенс называешься! – перешел Михаил на «ты». Злата хотела подняться и дотронуться до него, но тут в углу что-то зашевелилось... и вдруг из дыма на них кто-то бросился.

– Не стреляй!

– Волк! – удивился Михаил.

– Ральф! – обрадовалась Злата. – Ральф, умница! Как ты нашел меня?

– Он что, из-под земли появился?

– Выходите! – опять донеслось со стороны дома. – Я не переношу запаха жареного мяса!

Майкл с еще большим остервенением стал раскидывать в разные стороны сваленные в угол тряпье, сломанные детские игрушки, стоптанную до дыр обувь, книги без обложек...

– Точно! Из-под земли! – радостно воскликнул он.

В другом углу уже всюду бушевал огонь, подбираясь к двери, отрезая путь к выходу.

– Пожалуй, даже я сюда пролезу... Злата!

Они не без труда, царапая кожу и ломая ногти, проползли подземным лазом, по которому в сарай попал Ральф, и, низко пригибаясь, бросились бежать.

Ральф не отставал, бежал все время рядом.

Только после получасовой сумасшедшей гонки по ночному стонущему лесу они остановились, повалившись без сил на влажную траву. Волк, не подавая признаков усталости, смиренно лег в сторонке.

Отдышавшись, Злата в третий раз задала свой вопрос:

– Кто ты?

– Догадайся сама, – последовал уклончивый ответ. Злата дотронулась до предплечья Михаила и тут же отдернула руку.

– Не может быть! – прошептала она.

– Может. Я – Хранитель...

ГЛАВА 5

Вот уже несколько недель трансгалактический экспедиционный крейсер «Гея» висел между восьмой и девятой планетами звезды, в поле тяготения которой он попал. Капитан Эриксон объявил войну мистеру Чамингу и имел неосторожность заявить во всеуслышание, что не приблизится к третьей обитаемой планете, пока Чаминг не окажется в его руках. Сделал он это заявление сгоряча, сразу после того, как было покончено с «пожирателем звездолетов». Но если бы капитан, прежде чем открыть рот, хорошенько подумал да припомнил все, что успел сообщить о Чаминге полковник Смол, то, скорей всего, он просто прикусил бы себе язык.

Чаминг, поиски которого по приказу Эриксона непрерывно вела команда дисциплинарного модуля, словно превратился в невидимку. Не помог и Сеньков, не по приказу, а по просьбе капитана пытавшийся «вычислить» его.

Командир дисциплинарной службы Петр Мейси каждый вечер докладывал Эриксону о ходе поисков Чаминга, но эти поиски велись обычными, проверенными способами, их результаты тоже были нулевыми.

На крейсере зрело недовольство.

В сложившейся ситуации капитан вынужден был принять решение: никаких карательных мер к навигаторам, поднявшим на крейсере бунт, не применять. Что касается команди-

ра навигаторов, то судьба сама вынесла ему приговор. Игорь Тинетин стал одним из двух сотен геян, погибших во время нападения «пожирателя звездолетов» на крейсер. От командира десантников не осталось ничего: ни тела, ни комбинезона, ни личного оружия...

Первые два-три дня Чаминга дружно ловили всем экипажем. Началась настоящая шпиономания. Каждый замечал во всех остальных странности поведения и сообщал куда следует – в дисциплинарную службу, что такой-то или такой-то, скорей всего, и есть ненавистный всем Чаминг. Даже на Эриксона пришла анонимка, в которой говорилось, что капитана видели на Фрагии за несколько часов до гибели планеты. Отсюда: Эриксон – это преступник, которого разыскивала полиция. Это он, замаскировавшись под капитана «Геи», хладнокровно уничтожил планету...

– И ты что, серьезно веришь в эту чушь? – возмутился Пол, когда командир дисциплинарной службы Петр Мейси пришел к нему производить допрос по всей форме.

– Я ничего не знаю, капитан. У меня приказ. Ваш приказ. Проверять каждый сигнал. Вот я и проверяю. Что вы делали на Фрагии в тот злополучный день?

– Ты сошел с ума... Ну, хорошо... Я гостил у отца.

– Сколько вы у него гостили?

– Всего несколько часов. Я вернулся тогда из одной экспедиции и тут же должен был отправиться в другую.

– У вас есть свидетели, которые могут подтвердить ваши

слова? Что вы все это время были у отца, а не монтировали устройство, вызвавшее цепную реакцию легких элементов?

– Какое устройство?! Я гостил у отца! Понимаешь?

– Ваш отец, профессор Эриксон, был личностью известной, неоднозначной и загадочной... Я даже слышал, что он не погиб во время взрыва. Будто его видели на последнем стартовавшем с планеты пассажирском звездолете...

– Я тоже слышал... Но это полнейшая чушь.

– Вам видней... То, что профессор Эриксон недолюбливал Содружество, то, что у него были крупные неприятности в связи с его последним проектом под названием «Голем», нисколько не повлияло на его материальное положение, а скорее даже наоборот... У меня есть информация, что вы, капитан, получили солидное... очень солидное наследство... С этой точки зрения, смерть отца вам была выгодна. И может быть, поэтому вы так уверены в ней!

– Здорово! В чем ты еще меня подозреваешь?

– Хорошо... Предположим, никакого отцеубийства не было. Но вспомните, что говорил про Чаминга полковник. «Способен запросто менять не только внешность, но и пол». А теперь смотрите... На каком-то этапе Чаминг убивает капитана Эриксона и занимает его место. Отец капитана обнаруживает подмену. Лже-Эриксон убивает беднягу и избавляется от тела очень оригинальным способом: уничтожает планету. Получается, что вы, капитан, – Чаминг. Логично?

– О Господи! – простонал Эриксон. – Тогда... подозрева-

ются все! И ты в том числе, между прочим!

– И это логично! Однако... речь о вас, капитан. Повторяю вопрос: кто-нибудь из экипажа может подтвердить, что вы эти несколько часов на Фрагии не покидали дома отца?

– Отчасти. Мы прилетели на планету вместе с Вуху Иотахо. Было утро, и я пригласил его к отцу позавтракать. Вечером он ужинал с нами. А после ужина мы улетели на Туату.

– Ага! Значит, физик Иотахо тоже был на Фрагии в последние ее часы. Так и зафиксируем!

Эриксон поднялся и стал расхаживать по каюте.

– Это невозможно, Петр! Так работать нельзя. Экипаж потихонечку сходит с ума. И дернул же меня черт вставать в позу. Я не могу отменять своего решения в этой ситуации. Мы не тронемся с места до тех пор, пока не «вычислим» Чаминга. Но если мы не разыщем его в ближайшие день-два... Ты понимаешь меня, Петр?

Командир дисциплинарного модуля смотрел на Эриксона своими ясными голубыми глазами. И в них можно было прочитать только два слова: есть, капитан!

А через несколько часов после этого разговора, когда Пол уже спал беспокойным сном, кто-то разбудил его, инициировав связь по чрезвычайному каналу.

– Это Мейси, капитан!

– Что опять, Петр? Тебя интересует, не было ли в поведении моего отца чего-нибудь странного? Было! Он не пустил меня в свою домашнюю лабораторию...

– Мы подстрелили Чаминга, капитан!

Эриксон вскочил с постели и стал лихорадочно одеваться.

– Ты уверен, что подстрелили именно его? Где вы находитесь?

– В резервном модуле.

Через несколько минут капитан стоял над телом десантника по имени Табер Маккадум, изуродованным выстрелом из пучкового оружия. В рубке управления резервным модулем, где Маккадума настиг роковой выстрел, были видны следы короткого боя. Табер расстрелял дежурную смену в полном составе. Телами резервщиков уже занимались медики во главе с Назаром Серовым.

– ...в модуле отдыха между ними завязалась драка, – стоя рядом с Эриксоном, рассказывал Петр Мейси. – Несколько человек слышали, как Риттер назвал Табера Чамингом. Табер убил его и бросился бежать в направлении десантного модуля. Тут же сообщили нам. Я попытался связаться с командиром десантников, но связь уже была заблокирована. Тогда я разделил своих людей на две группы. Одну послал к десантному модулю, другую – к резервному.

– Резервному?

– Ну да! Он идет сразу за десантным. Убийство в глубоком космосе карается корректировкой памяти. Это – та же смерть. Единственная возможность избежать наказания для Табера – затеряться на третьей планете, пригодной, как он знал, для жизни. Но до нее еще надо добраться. Десантная

капсула не подходит. Крейсер ее легко догонит. А то и догонять не будет, просто даст по ней залп! Другое дело гравитационный тайник. Спрятаться в него без дополнительной подготовки, на которую нужна уйма времени, может только резервный модуль! Мы ворвались сюда на мгновение раньше того, как прошла команда на подготовку к расстыковке... но, к сожалению, на мгновение позже того, как погиб последний из дежурных... Двоих моих ребят убил. Вот что мы нашли у него. – Мейси протянул Эриксону значок десантника. – Блокировщик связи.

– Да, это улика... Еще есть что-нибудь?

– Вот. – И Мейси передал капитану металлическую нашивку сержанта «смертников космоса».

– Еще один блокировщик?

– Нет. Синтезатор голоса. Нашли в его личных вещах.

– И это тоже улика, – кивнул Эриксон. – Но почему нашивка «смертников»?

– Маккадум участвовал в планетарных войнах. Проявлял особую, патологическую жестокость. Был неоднократно задействован в карательных экспедициях... Обладал экстра-сенсорными способностями... Обучался трансформации тела у снайпов... После окончания последней войны попал под всеобщую амнистию.

– Да-а, – задумчиво протянул Эриксон. – Получилось все очень удачно... Подумать только! Неуловимый Чаминг – и такой глупый, бесславный конец... Командир дисципли-

нарного модуля! – официальным тоном сказал Пол. – За своевременную ликвидацию опасного преступника объявляю вам и всем вашим людям благодарность от народов Содружества Кольца и от себя лично! – И уже отеческим тоном добавил: – Ну что, Петр, полетели к третьей планете?

– Полетели, капитан! – улыбнулся довольный Мейси.

* * *

Через несколько дней после смерти Чаминга «Гея» полетела к планете, с которой все связывали большие надежды. Те, кто не мог смириться с мыслью, что возвращение на Алдан невозможно, ждали чудес от предстоящего контакта с братьями по разуму, которые должны были объяснить геянам, куда их выбросило из гиперпространства, и показать им дорогу домой. Те, кто понимал, что от предстоящего контакта многого ждать не следует – за все время полета «Гея» не встретила ни одного чужого звездолета, а сама планета упорно «молчала», не проявляя никаких признаков разумной жизни, – были рады самой возможности высадиться хоть где-нибудь и начать жизнь заново.

Весь экипаж напряженно следил по всем терминалам во всех модулях, как на глазах растет, загораживая собой все космическое пространство, голубой приплюснутый диск с белыми причудливыми разводами облаков от Северного полюса до Южного.

Планета не была похожа на родной Алдан. Скорее она напоминала один из трех спутников Алдана – Вееру.

По давней традиции с крейсера запустили вымпел, на котором было обозначено имя первооткрывателя: «Гея». Вслед за вымпелом около сотни зондов-разведчиков, каждый размером с ладонь, покинув корабль, унеслись в сторону третьей планеты. Еще с десятков зондов стартовали в противоположную сторону – к единственному ее спутнику.

Несколько минут – и все зонды вошли в атмосферу третьей планеты. А еще через несколько минут на «Гею» обрушился целый поток информации, разобраться в котором мог не каждый.

На терминалах, быстро сменяя друг друга, возникали картины – леса, степи, льды, пустыни... Но в основном вода, вода, вода...

Картинки были изрезаны колонками цифр: химические и биохимические, физические и биофизические параметры всех без исключения объектов, попавших под анализаторы зондов.

Корабельный «мозг», которому Эриксон придумал новое имя – Эл и новый голос – приятный, мягкий баритон, – и командир биологического модуля Федор Шумаков, удачно дополняя друг друга, давали краткие комментарии, выхватывая из всей массы информации, на их взгляд, наиболее важную.

Пол Эриксон поймал себя на том, что не вникает в смысл

слов, сказанных Шумаковым, а внимательно вслушивается в интонацию, с какой эти слова были произнесены.

Капитан никак не мог избавиться от ощущения, что в голосе Шумакова есть нотки, которые присутствовали в голосе Чаминга.

В то, что Табер Маккадум – Чаминг, Эриксон не поверил. Петр Мейси понял откровения Эриксона по поводу скорейшей поимки Чаминга слишком буквально... Блокировщик связи... Синтезатор голоса... И вот уже обычная драка, закончившаяся смертью одного из дерущихся, и попытка угона резервного модуля, приведшая к гибели еще нескольких человек, превратились в целую историю о последних минутах жизни Чаминга.

Нет, Чаминг – это кто-то другой. Но для всех им стал десантник Маккадум. Как только об этом было объявлено, Эриксон просто физически почувствовал: напряжение, висевшее в воздухе все эти недели, спало. А приказ лететь к третьей планете и вовсе вызвал у людей небывалый трудовой энтузиазм... И в каком-то из модулей трудился не покладая рук настоящий Чаминг... И теперь Эриксон один на один с ним. И нельзя ни с кем поделиться, посоветоваться... Разве что с корабельным «мозгом» – с Элом. Один из вечеров Эриксон провел в долгой беседе с ним. Тема: снайпы и трансформация.

Эл выдал все, что ему было известно.

Снайпы – негуманоидная раса, ставшая гуманоидной.

Случалось и такое! Когда была открыта планета, названная Снайп, ее посчитали необитаемой. Сильно разреженная атмосфера, жесткое излучение... На планете были найдены «мягкие камни». С виду камни как камни, но на ощупь – мягкие. Вот это «на ощупь»... Прикосновение к «мягкому камню» вызывало у человека ощущение разрядки, освобождения от отрицательной энергии. Не было никого из членов экипажа звездолета, открывшего планету, кто не прикоснулся хотя бы раз к какому-нибудь из камней... Про планету забыли... Когда она вновь попала в поле зрения космического флота Содружества, Снайп оказался уже обитаемым! На планете, практически лишенной атмосферы, с жестким, уничтожающим все живое излучением, жили люди!... Но, как оказалось, это были не совсем люди. Точнее, совсем не люди. Это были все те же «мягкие камни», которые впоследствии задним числом были признаны одной из форм разумной жизни, владеющей способностью трансформироваться в любые другие живые и неживые формы, примерно равные им по массе. Ничего нового снайпы – так прозвали «мягкие камни» – Содружеству дать не могли, потому что повторяли то, что было известно донорам – людям, касавшимся их. Но с одной областью знаний они все же познакомили людей – с трансформацией. Чтобы овладеть ею, человеку приходилось жить на Снайпе несколько лет в полнейшем одиночестве, в специально оборудованном бункере, без всякой информации о том, что происходит в мире. Выдержать курс

обучения мог не каждый. Но сумевшие победить себя обрели способность менять свою внешность и даже пол. Снайп так и не был включен в состав Содружества. В первое время Совет Содружества смотрел на уроки снайпов по трансформации сквозь пальцы. Но потом одумался. Планета была закрыта. Обучение трансформации было объявлено противозаконным, все бункеры на планете, пригодные для жизни человека, разрушены. Но все равно находились смельчаки, которые ради уникальной способности – менять что-то в себе на физическом уровне – прилетали на Снайп, терпели невероятные лишения и, как правило, умирали. Немногие возвращались назад... Чаминг наверняка был одним из счастливицков, кто смог завершить обучение и остаться целым и невредимым.

Из долгой беседы с Элом Эриксон понял одно: для трансформации нужно минимум семь дней. Во время трансформации те участки тела, которые ей подвергались, теряли свою обычную форму. Если Чаминг захочет стать, например, капитаном Эриксоном незаметно для других, он должен исчезнуть, поменять сначала внешность, а уж потом делать что-то с настоящим капитаном.

Пол дал распоряжение «мозгу»: в случае пропажи кого-нибудь из членов экипажа немедленно сообщать ему лично...

Капитан продолжал вслушиваться в знакомые интонации в голосе Шумакова: Чаминг или нет?...

Командир биологов был у него с самого начала под большим подозрением. Во время нападения на крейсер «пожирателя

звездолетов» Федор покинул смотровую площадку десантного модуля вслед за Полонским. Шумаков имел достаточно времени, чтобы подготовить трюк с десантной капсулой номер тринадцать...

– ...Предварительные данные подтвердились: очень высокое содержание кислорода.

– На семь и три десятых процента выше, чем на Алдане. Докладывали Федор Шумаков и корабельный «мозг» – Эл.

– Растительный и животный мир по форме отличается от флоры и фауны планет Содружества, но все основные отряды представлены почти полностью.

«Значит, с охотой здесь все в порядке», – отметил про себя Пол.

– Продолжительность суток – двадцать четыре часа. Это на час меньше, чем на Алдане.

– Климат суровый. Наиболее благоприятные условия на экваторе. Шесть больших континентов.

– Видимых следов разумной жизни на планете не обнаружено. Судя по всему, разумной жизни здесь нет!

Эриксон услышал всеобщий вздох разочарования. Надежда, что на планете существует достаточно развитая цивилизация, представители которой могли бы точно ответить на вопрос, в каком секторе вселенной оказалась «Гея», – на-

дежда эта рухнула.

– Есть человекоподобные существа – гоминиды, – словно оправдываясь, сказал Федор Шумаков. – Я предполагаю, они должны были занять биологическую нишу, предназначенную человеку... Найдены примитивные орудия труда, возраст которых... около двадцати пяти тысяч лет. Видимо, тогда эволюция затормозила процесс превращения человекоподобного существа в человека. Хотя... по идее, такого быть не могло. Это противоречит тем же законам эволюции. Боюсь, что здесь совсем другие причины.

После короткой паузы командир биологов и корабельный мозг продолжили свои комментарии.

Покончив с третьей планетой, они перешли к ее спутнику, Успели сказать всего несколько фраз и вдруг неожиданно замолчали.

Капитан Эриксон, внимательно слушавший эту своеобразную переключку и не менее внимательно разглядывавший изображение, передаваемое со спутника зондами-разведчиками, хотел спросить, что случилось. Но в этот момент увидел... нет, не увидел – осознал, чем на самом деле является странный объект, мелькнувший на одном из терминалов.

– Капитан, вы видели? – взволнованно спросил Шумаков. – Сейчас мы вернем картинку.

На главном терминале – чуть в стороне от длинной цепочки гор, на краю глубокого кратера – появился тот самый объект, который попал в поле зрения зонда номер два. Пра-

вильной формы, с ободком тусклых огоньков по краю...

– Голову даю на отсечение – это космический корабль! – выкрикнул командир десантников Жан Браге. – Но к кораблям Содружества он не имеет никакого отношения.

– Что мне твоя голова, Жан! Эл, ты подтверждаешь?

– Данный звездолет не является кораблем Содружества и никогда им не являлся, – последовал ответ «мозга».

– Если планета необитаема, – сказал Эриксон, – значит, он такой же пришелец, как и мы.

Капитан оторвал взгляд от экрана, посмотрел вокруг. Он почувствовал, какое напряжение повисло в воздухе рубки управления основного модуля.

«Чужак! Друг или враг? Будем надеяться, что нас еще не заметили и есть время подготовиться», – пронеслось в голове Эриксона.

– Внимание всем службам! – не без волнения в голосе сказал капитан. – Полная боевая готовность! Время пошло!... Без суеты, ребята, – добавил он неофициальным тоном.

Напряжение тут же спало. Астронавты, стремительно повскакавшие со своих мест после слов «боевая готовность!», без суеты, со знанием дела стали готовиться к предстоящей операции.

Сделать из «Геи» – бывшего флагмана военно-космического флота Алдана – боевой корабль не составляло особых трудов. Экспедиционный крейсер по своим функциональным возможностям по-прежнему оставался десантным

кораблем стратегического назначения, на котором алдания не захватывали планеты своих врагов. Все модули переходили на полное автономное обеспечение, обретая способность действовать самостоятельно. Команды модулей из мирных специалистов – физиков, биологов, аналитиков, генетиков – за несколько минут превращались в боевые, хорошо вооруженные группы, способные эффективно нападать и искусно защищаться.

Каждый член экипажа надевал тяжелый скафандр – на самом деле он был не тяжелее легкого, но в нем можно было летать, погружаться на большую глубину в самые агрессивные среды, жить, в конце концов, и достаточно продолжительное время... Каждый брал из арсенала полный боевой комплект: излучатель с максимальной зарядкой, генератор биопомех – защиту от телепатической атаки потенциального противника, дополнительные источники энергии, контейнер с пищевой пастой... А к стимулирующим прививкам, которые десантники всегда получали перед каждой вылазкой, была добавлена еще и «фотопрививка», позволявшая организму работать в режиме «растения», используя для своих нужд энергию света. Были раньше во всей этой амуниции еще «скручи» (скручиватели) – фанаты, способные мгновенно свертывать заранее установленный объем пространства, перемалывая все, что попадало в данный объем. Но именно с этой экспедиции они, скручиватели, отлично зарекомендовавшие себя во времена планетарных войн, попали под за-

прет...

Капитан Эриксон решил подождать, пока от основного модуля отстыкуется резервный.

– Мы начали, – отрапортовал командир резервщиков. Все прошло как нельзя лучше. Из стыковочных узлов вырвались остатки газа и воды тут же расплылись в вакууме.

– Прошла расстыковка. Уходим в гравитационный тайник. Резервный модуль стал медленно дрейфовать в сторону третьей планеты и вдруг исчез – стал невидимым, искривив вокруг себя пространство, превратив его в кокон-обтекатель, который отнял у резервщиков возможность принимать активное участие в предстоящей боевой операции, но дал взамен Другое: почти стопроцентную неуязвимость. Почти! В коконе было несколько пеленгационных окон и один проход для людей, позволявший попасть в модуль и покинуть его, не выводя из рабочего состояния. Таким образом, существовала пусть ничтожная, но вероятность прямого попадания.

– Даю пеленг, – вновь раздался голос Ричарда Прайса.

Пол закрыл глаза. Да, он слышал эти позывные, улавливаемые бикомом. Теперь, если, не дай Бог, все боевые единицы погибнут, последняя надежда оставшихся в живых – резервный модуль, на котором они смогут спастись.

«Уверен, до этого не дойдет», – сказал себе Эриксон.

Уже несколько часов «Гея» находилась в пределе видимости чужака; Были отработаны все возможные инструкции по экстремальным контактам. Но результатов не было никаких. В конце концов по приказу Эриксона зонд номер два, обнаруживший чужой космический корабль, совершил посадку на небольшом расстоянии от него.

– Скорей всего, корабль мертв, – наконец сказал вслух Полонский то, о чем, наверное, думали все. На экране главного терминала, рядом с тем местом, где зонд совершил посадку, в мощных лучах света, исходящих от него, виднелась груда искореженного материала, похожего на металл, – остатки либо малого летательного аппарата, либо вездехода. Неподалеку – обломки еще одного аппарата, и еще. Их было много, очень много.

В борту самого космического корабля, словно скала нависшего над зондом, зияла огромная брешь.

– Нет, это не пробоина, – вырвалось у Эвы Смит. – Идеально ровные края. Это что-то вроде нашего причального отсека.

Пол приказал поднять зонд и направить его прямо в причальный отсек чужого космического корабля. Зонд, повинувшись командам с «Геи», оторвался от поверхности и медленно, словно ощупывая перед собой дорогу, полетел в раскры-

тую пасть звездолета.

Без особых приключений он проник в причальный отсек, и в тот же миг со всех сторон в зонд ударили мощные пучки света.

– Сработала автоматика...

– Ты была права, Эва, – сказал Эриксон, – это действительно причальный отсек. Бывший причальный отсек.

В огромном пустом отсеке стояло несколько летательных аппаратов. В том, что это именно летательные аппараты, не было никакого сомнения. Места, размеченные для остальных,

пустовали.

– Голову даю на отсечение – это дверь!

Зонд медленно плыл по причальному отсеку, его «глаза» были направлены на обшивку, в которой и в самом деле угадывалась дверь. Вскрывать ее не пришлось. Часть переборки исчезла, беспрепятственно пропуская разведчика.

– Зонд попал в шлюз, – прокомментировал Шумаков.

За шлюзом оказался отсек, напоминавший склад. Тут стояли ровными рядами большие, с закругленными вершинами и ребрами параллелепипеда, очень похожие на контейнеры, поверхность которых была испещрена непонятными вмятинами и выщербинами. Здесь же – несколько механизмов для транспортировки грузов.

Зонд-разведчик беспрепятственно попадал с одного уровня на другой по узкому пространству винтовой лестницы, из

одного отсека в другой – по широкому пространству закругленных переходов. О назначении некоторых отсеков можно было легко догадаться: жилые каюты со столами, стульями и кроватями, несколько небольших бассейнов, залы, лаборатории...

– Все как у людей!

– Да, с большой долей вероятности они такие же, как мы. Они – люди! Были людьми...

– Чем они дышали, Шумаков?

– Кислородом... Состав воздуха почти идентичен нашему.

– Что значит «почти»?

– Никак не могу понять. В воздухе присутствует субстанция, которая анализу не поддается. Очень малая, исчезающая масса. Это все, что можно сказать об этой субстанции... Капитан, наверное, надо увеличить количество зондов, а то провозимся неизвестно сколько.

– И все же, где люди? – задал вопрос Полонский. – Такое впечатление, что экипаж внезапно покинул звездолет. Что у них там произошло?

– А это мы узнаем в ближайшее время, – ответил Эрик-сон. – Внимание экипажа! Даю отбой полной боевой готовности. Всем вернуться к нормальному режиму работы.

Пол первым снял шлем и сделал глубокий вдох.

– Мне всю ночь снилось, что я выгуливаю свою собаку, – весело сказал он. – Сон в руку... Десант!

В отряде десантников, который получил задание высадиться близ звездолета-чужака, был почти пятидесяти процентный недокомплект. Десантники больше всех пострадали от встречи с «пожирателем звездолетов».

С недокомплектом покончили достаточно быстро. Было столько желающих участвовать в вылазке, что пришлось выбирать лучших из лучших.

Среди счастливчиков, отобранных командиром десантников Жаном Браге, оказалось несколько навигаторов и их новый командир – Иван Сеньков. Эриксон сместил Сенькова с должности своего первого помощника. Иван сделал попытку выдернуть из-под Эриксона капитанское кресло. Пол не мог больше работать с ним бок о бок. Они не становились врагами – ни в коем случае. Но они уже не были друзьями. Сначала капитан хотел назначить Сенькова рядовым «мусорщиком» в модуль вторичной переработки, но нашел более компромиссное решение – назначил Ивана командиром навигаторов вместо погибшего Тинетина.

Вместе с навигаторами в сборном отряде десантников оказались Эва Смит и сам Эриксон.

Исполняющим обязанности капитана «Геи» Пол оставил своего нового первого помощника – Полонского. Александр тоже прошел отбор в отряд десантников, ему тоже было

интересно высадиться близ чужака – первого чужака в его непродолжительной карьере астронавта.

– Я ваш помощник, капитан, а не заместитель, – злился на Эриксона Полонский. – Я должен всегда быть рядом с вами. Если уж на то пошло, вы не имеете права покидать крейсер!

– Я не приключений ищу, – оправдывался Эриксон. – Я бывший десантник. И остаюсь им в душе до сих пор. Мой опыт может пригодиться. Кто из людей Жана имеет возможность похвастаться такой находкой? Никто! А на моем счету три чужака.

Все же Эриксон изменил свое решение: в этой ситуации он смог позволить себе такое. Исполняющим обязанности капитана в последний момент был назначен командир биологов.

Эве и Эриксону выпало лететь одной капсулой. Скорее всего, это не было простой случайностью. Пол видел, как Эва Смит подошла к Жану и о чем-то попросила его. Командир десантников, некрасивый угловатый коротышка, смутился и только кивнул в ответ.

Эва быстро заняла место второго пилота, капитан – место первого.

– Семнадцатый готов! – отрапортовал Пол.

Перед его глазами вдруг разверзся космос – россыпи звезд и большой голубой шар, приплюснутый на полюсах, – планета, которая была обречена стать их второй родиной.

Отряд из двух десятков капсул сделал виток вокруг «Геи»

и взял курс на спутник – в тот квадрат, где совершил свою последнюю посадку чужак.

– У нас есть несколько минут, капитан, чтобы поговорить, – сказала Эва. – Не бойтесь, нас никто не слышит.

«Чего мне бояться!» – хотел возмутиться Эриксон, но осекся.

– Я слушаю тебя, Эва, – твердо сказал он.

– Не знаю, с чего начать...

– Начни с главного.

– Хорошо... Я люблю вас, капитан Эриксон! – с грустью в голосе сказала женщина.

Вот этого Пол никак не ожидал. Эва – железная женщина, никакой жалости к себе и другим, никогда ни слова жалобы, никаких сантиментов... разве что нечаянный взгляд... И вдруг!... Рука капитана дрогнула, капсула вильнула, рискуя столкнуться с номером шестнадцатым.

– Семнадцатый, – раздался окрик командира десантников, – перейти на автопилот!

Эриксон беспрекословно повиновался.

– У меня уже больше нет сил скрывать это. Может быть, я нашла бы в себе мужество молчать... Но, Пол! Мне кажется, что ты тоже... Что ты готов... Но тебе нужен маленький толчок... – Эва замолчала. – Боже мой, – вновь заговорила она после короткой паузы, – какая же я дура! Дура! Дура! Дура! Прости меня, Пол! Прости! Забудь все, что я здесь тебе наговорила.

И вслед за этими словами послышался ее плач.

– Эва, перестань реветь... – будничным тоном сказал Эрик-сон. – Я понимаю... Неудачный гиперпрыжок, ощущение близкого конца... Мы все на пределе... Ну хочешь, я скажу тебе то, во что еще сам не верю? Если я забуду Беллу...

Имя Белла сразу разрушило особое, почти нежное чувство, которое вдруг возникло между ними.

– Никогда не прощу себе тот выстрел, – упавшим голосом сказала Эва. – Никогда... Откуда... Откуда взялся в ее руках пульт?... И оружие?

– Чтобы больше не возвращаться к этой теме... Ты стреляла в Чаминга. Мы все были уверены: Белла – это Чаминг. Он подставил ее вместо себя. Если бы не «пожиратель звездолетов»... Ты всего лишь спасла нам жизнь... Можешь не винить себя.

Повисло тягостное молчание. Оно было невыносимым, но, слава Богу, отряд десантных капсул уже подлетал к чужаку.

Они прошли над самой поверхностью спутника планеты, повторяя маневр зонда-разведчика. Чужак – неопознанный звездолет – поразил Эриксона своими размерами. С борта «Геи» он казался таких же размеров, как и крейсер. Но отсюда, с нижней точки, сразу становилось ясно, что чужак раза в два больше.

– Черт те что! – невольно вырвалось у Эриксона.

– Да, звездолетик что надо! – подхватил кто-то.

– Здесь и заблудиться недолго.

– Это что! Помню, мы высадились на красный астероид. Четыре таких корабля, как этот. Так он оказался куском какой-то планеты, которую разнесло в клочья ядерным взрывом. Представь, весь астероид испещрен ходами, переходами, ловушками. И мумии на каждом повороте. Как потом выяснилось, мы наткнулись на фрагмент подземного мегаполиса. Чего там только не было!

– Разговорчики! Идем на посадку. Перейти на ручное управление.

Пол Эриксон взял управление на себя. Он выбрал место, плавно сел и, долго не раздумывая, покинул капсулу. Вслед за ним на покрытие чужого причального отсека спрыгнула Эва. Оба с нескрываемым любопытством стали озираться по сторонам. Несколько маленьких летательных аппаратов с прозрачными фонарями, защищавшими кабину пилота, – и это было все, за что мог зацепиться взгляд.

– Похож на жука, – сказала Эва, дотронувшись до одного из них.

Пол нагнулся, чтобы лучше разглядеть, что там внутри. К. своему удивлению, кроме кресла, на вид вполне удобного, больше в кабине он ничего не увидел.

– Все очень просто, – словно прочитав его мысли, сказала Эва Смит. – «Жук» управляется с помощью биотоков.

Десантники собрались у входа в шлюз. Командир Жан Браге счел нужным еще раз, вкратце, повторить инструктаж:

– Быть постоянно на связи со мной и с «Геей». – При этом он бросил многозначительный взгляд на Эву. – Быть начеку. В особо подозрительные места не соваться. Все самое интересное собирать в карантинные контейнеры... Наша основная задача – поиск любых носителей информации, которые дадут ответы на вопросы: что это за звездолет? откуда он? с какой целью оказался здесь? Причина, по которой экипаж покинул его? И еще что-то важное... Да, поосторожней с личным оружием. Не палите в первого встречного. Этим встречным, скорее всего, буду я или кто-то из наших. На звездолете никого нет. Вопросы есть?

– Все ясно! – ответил за всех Иван Сеньков. Он улыбнулся, бросил на Эву и Эриксона насмешливый взгляд и подмигнул им.

«А что, если Чаминг – это Сеньков? – задал себе вопрос капитан. – Он настаивал на высадке и контакте. Он подсиживал меня – пытался захватить власть на крейсере законным путем. Если бы не Тинетин, неизвестно, чем бы закончилось заседание чрезвычайного совета. Сеньков – Чаминг?! Нет... слава Богу, нет... Еще на орбите Алдана Иван был все время рядом. Второй выстрел Беллы предназначался бы ему... Нет, Сеньков – не Чаминг. И еще два человека вне подозрений – Полонский и Эва. В тот день они тоже были со мной до конца...»

Десантники беспрепятственно прошли в шлюзовую камеру, оттуда – в складской отсек. Дальше они спустились на

нижний уровень звездолета, где все разбрелись в разные стороны.

Эриксон и Эва оказались опять в паре. Так приказал Жан.

На них были скафандры, оставаться в которых на все время десанта приказал сам Пол. Эта неуловимая субстанция в воздухе чужака не давала покоя Эриксону. Зачем она здесь? Или все же те, кому принадлежал звездолет, не простые люди и чем-то очень существенным отличались от них, раз для дыхания им требовалось еще что-то. Или эта субстанция – именно та причина, по которой звездолет остался без экипажа. Или что-то третье, о чем догадаться невозможно. Во всяком случае, пока оставалась неизвестной природа этой субстанции, нужно было защищаться от нее!

Пол и Эва переходили из каюты в каюту – все помещения были обставлены скромно, без излишеств. Светло-серые переборки: ни тебе «ребер жесткости», ни световых табло, ни указателей... Если смотреть на них день за днем, да еще несколько лет подряд, – взбесишься!

– Кажется, я догадываюсь, почему они все сбежали с корабля, – нарушил молчание Эриксон. – Скучновато здесь.

– Я думаю, дело опять в биотоках. Здесь все управляется биотоками. Наверняка переборки – это что-то наподобие экранов. Видишь, – опять углубление и выпуклость, как в кабине «жука». Если бы наши биополя совпадали... здесь сейчас такое бы началось!

По общему каналу связи вдруг раздался истошный крик.

Эриксон невольно схватился за оружие.

– Ура! – завершил свой вопль один из десантников. – Мы нашли лаулит! Звездолет использует его в качестве топлива. Теперь мы все – миллионеры!

«Глупец, – подумал Эриксон. – Здесь твой лаулит ничего не стоит».

После короткого всеобщего ликования осмотр чужака был продолжен. В одном из отсеков Пол и Эва вдруг наткнулись на целую кучу вещей. И это было очень странно.

– Кладовка, что ли? Или мусорный контейнер?

– Обычный жилой отсек. Вот это, между прочим, кровать. Эва сбросила часть вещей на пол, легла, придав позе соблазнительный вид.

Эриксон с вождением посмотрел на нее.

– Я знаю, о чем ты подумал, – поднимаясь, сказала Эва. – Ты подумал: жаль, что мы в скафандрах.

Она угадала! Пол почувствовал, как краснеет, и отвернулся.

– Наверное, здесь жил обыкновенный мелкий воришка, – сказал он. – Обкрадывал своих товарищей и получал от этого удовольствие. Надо прихватить с собой самое интересное.

Эриксон взвесил на руке прозрачный, слегка голубоватый шар. Они собрали в контейнер с десятков занятых вещей и пошли дальше. По винтовой лестнице, узкой и неудобной, они поднялись на следующий уровень.

Здесь Эриксон остановился и внимательно осмотрелся.

Вокруг все те же невзрачные переборки и больше ничего.

Эва бросила на капитана вопросительный взгляд.

– Странно, – пробормотал тот, – у меня такое ощущение, что за нами все время кто-то наблюдает... Нервы, конечно.

– Семнадцатые! Как дела? – позвал командир десантников. – Что-то вас давненько не было слышно.

– Жан, у меня есть кое-какие соображения. Ты на каком уровне сейчас? – спросил Эриксон.

– Шестой... Нет, кажется, седьмой.

– Как ты туда попал? По лестнице?

– Лифтов здесь я что-то не заметил.

– Ты обратил внимание, что лестницы рассчитаны на одного человека? Вдвоем здесь еле разминешься. А представляешь, если нужно что-то большое тащить с уровня на уровень?

– Представил. Смешно. А ты к чему клонишь, семнадцатый?

– Да к тому, что лестницы им не нужны были вовсе. Лестницы – что-то вроде запасного варианта.

– То есть... ты хочешь сказать...

– Да – телепортация!

– Что?! - донеслось одновременно несколько голосов.

– Телепортация.

– Ой ли? Каким образом?

– Это нам и предстоит выяснить. Чувствует мое сердце, нас здесь ждут настоящие чудеса.

Капитан так увлекся разговором и своей гипотезой, что потерял из виду Эву.

– Эва! – позвал он. – Эва!

Но ответа не последовало.

Эриксон посмотрел по сторонам и увидел неподалеку в переборке характерное углубление – дверь. Это была ближайшая к нему дверь, и Эва наверняка вошла в нее.

Капитан хотел последовать за Эвой, но вдруг почувствовал, что не может этого сделать. Нет, все было в порядке, но его вдруг охватило такое волнение, какого он никогда еще не испытывал.

Неожиданно из-за угла на него двинулась чья то тень.

Эриксон среагировал мгновенно – вскинул оружие и выстрелил... Но выстрела не последовало.

– Капитан!

Эриксон тряхнул головой. Перед ним стоял Иван Сеньков.

– Иван! Кто ж так подкрадывается! Скажи спасибо, что оружие подвело!

В этот момент дверь, за которую хотел шагнуть Эриксон, открылась сама и на пороге появилась Эва. Она была бледна и как-то по особенному грустна.

– Что случилось? – в один голос выкрикнули Эриксон и Сеньков.

– Пол, – медленно проговорила Эва, – даже не знаю, как тебе сказать...

Эриксон хотел отстранить своего напарника и пройти в помещение, из которого она только что вышла, но Эва задержала его.

– Подожди, Пол, – все так же медленно проговорила она. – То, что ты там увидишь... В общем, настройся... Иди... – и подтолкнула Эриксона вперед.

Он оказался в замкнутом пространстве. Посередине возвышалось что-то похожее на узкий высокий стол. На этом столе Пол увидел женщину. Она лежала головой к нему. Но с этой точки было видно, что на женщине нет никакой одежды. Руки ее были вытянуты вдоль тела, волосы собраны в тугой пучок на затылке.

Чтобы взглянуть в лицо незнакомки, Эриксон должен был обогнуть стол. С замирающим сердцем он сделал шаг, потом еще один. Пол старался не смотреть на женщину. И только тогда, когда оказался у нее в ногах, поднял глаза.

– Белла! – только и смог прошептать капитан.

ГЛАВА 6

Крыша деревянного сарая словно нехотя занялась, повалил густой дым, и вдруг из-под черепицы вырвались языки пламени, ярко осветившие сад и людей, в спешке оттаскивавших от машины три трупа. Неожиданно поднялся ветер. Хлопья пепла понеслись в сторону двухэтажного дома, на веранде которого стоял мужчина лет тридцати – тридцати пяти, с оспинкой на скуле, на мизинце его левой руки тускло поблескивал серебром массивный перстень с черным непроницаемым камнем треугольной формы.

Мужчина стоял, широко расставив ноги, заложив руки за спину, мрачно глядя на усиливавшееся с каждой минутой пламя.

– Выходите! – крикнул он, и в глазах его появилось любопытство. – Я не переношу запаха жареного мяса!

Ему никто не ответил.

– Они что, самоубийцы, Красавчик? – удивленно спросил у мужчины молодой человек с квадратными плечами и туповатым лицом. – Может, пора тушить сарай?

– Кто будет с ведрами бегать? Ты, Сталлоне?

– А хотя бы и я. С нее с мертвой денег мы не получим. А с Майклом – падлой – я хочу с живым поговорить... Бобра кончил... Да мы с Бобром с первого класса водной спортивной школе.

Трупы тех, в кого стрелял Майкл, рядом лежали под яблоней. Мухи, разбуженные стрельбой и жаром огня, лениво пили еще не успевшую свернуться кровь.

– Откуда он вообще взялся на нашу голову? Красавчик ничего не ответил. Он смотрел, как огонь все больше и больше охватывает бревенчатые стены, с воем вырываясь из распахнутой настежь двери.

– Слушай, Красавчик, – повернулся к мужчине молодой человек с квадратными плечами, – не нравится мне все это. Возьму-ка я двоих ребят и обойду их с тыла.

Красавчик продолжал смотреть на огонь и молчал.

– Ну что же ты! Уйдут ведь. Пол в сарае земляной!

– Пожалуй, – согласился мужчина. – Только учти: она мне нужна живая! Действуй...

– Стас! Витек! – позвал Сталлоне, и все трое, пригнувшись, опасаясь выстрелов со стороны сарая, побежали к воротам.

В этот момент рухнула сгоревшая наполовину крыша. Сноп искр рванулся в небо.

– Затушить огонь! Затушить! – крикнул Красавчик и, издав короткий стон, сжал виски руками. Он покачнулся, перед глазами у него все поплыло. Догоравший сарай вдруг превратился в костер, на котором, страшно крича, заживо горела молодая, обнаженная по пояс женщина. Несколько монахов в черных одеждах стояли чуть поодаль. Лица их были скрыты под капюшонами. В руках у каждого – небольшой

деревянный крест...

«Спаси меня! – кричала женщина, пытаясь из последних сил освободиться от веревок, которыми была привязана к деревянному столбу. – Спаси меня, Гишар!»

«Я не Гишар! – прошептал мужчина. – Я...»

– Все-таки они сбежали! Я же говорил, говорил тебе! – чуть не плача, наседавал на Красавчика Сталлоне.

– Что ты орешь! И так башка раскалывается. Догнать! Сталлоне часто захлопал глазами и вновь бросился к воротам. За ним побежали еще несколько человек.

Мужчина помассировал себе виски, опустил руки.

– Я не Гишар, – тихо произнес он. – Я не Гишар...

* * *

– Что теперь будем делать? – отдышавшись, спросила Злата. – Нужно пойти в милицию и все рассказать.

– И про три трупа ты им рожее расскажешь? Хранитель погладил волка по спине. Злата мысленно приказала ему оставить Ральфа в покое.

– И не надо пробовать на мне свои штучки!

Михаил поднял на девушку глаза. В полумраке они таинственно поблескивали. Борьба взглядов продолжалась бесконечно долго. Их силы не были равны. Хранитель не умел нападать. Но у него была очень сильная защита.

– Всего лишь генератор биопомех, – ответил он на ее ком-

плимент, показал на медальон, висевший на шее, и продолжил: – В Питере оставаться нельзя. Красавчик нас все равно достанет. Надо уезжать.

– Куда?

– Пока не знаю. Может быть, в Москву. В большом городе затеряться легче. Там есть Хранитель. Но мне неизвестны его точные координаты. Но у меня есть точные координаты Хранителя во Франции.

– Расскажи мне про Черного Охотника.

– Что?... Слушай, а что ты вообще знаешь?

– Немного... Знаю, что до меня Хранителем была моя бабка... И хранила она перстень...

– Что-то не видать перстня на твоей руке! У меня нехорошее предчувствие: тебе его просто не успели передать...

В голосе Михаила Злате почудилась напряженность, замаскированная равнодушием. Если бы не личный код Михаила, который ей назвала старая Настасья – сама назвала, – девушка заподозрила бы неладное.

– Перстень в надежном месте, – ответила она. – Ты расскажешь мне про Черного Охотника? Я хочу знать все!

Михаил тихо свистнул.

– Для этого нужны годы... Про «Гею», надеюсь, твоя бабка рассказать успела?

– Это звездолет Содружества Кольца. Капитан – Пол Эриксон. О нем я слышала еще в детстве, но мне всегда представлялось, что он просто капитан, моряк... О Содружестве

и обо всем остальном я узнала только год назад, да и то... без подробностей... Неужели это все правда?

– Правда?... Вот тебе раз! Она знает... Похоже, ничего ты не знаешь!... Ее личный код ты запомнила?

– Бабушки? Да! – Злата назвала личный код Настасьи.

– Хранитель с этим кодом должен был находиться в Хабаровске до следующего чрезвычайного совета.

– Мы уехали оттуда десять лет назад... Бабушка говорила, что она смертельно от всего устала.

– Устала она! А я не устал?! Твоя бабка не имела права! – возмутился Михаил, но тут же успокоился. – Хотя какая она тебе бабка. И никакая она не Настасья.

– А вот это мне известно точно. Я начала помнить себя и ее с Афин, откуда мы, все бросив, неожиданно уехали. Сначала приходилось обращаться к ней как к матери, а когда она состарилась, началась другая игра – «внучки-бабушки». Так было менее подозрительно. Мы постоянно меняли страны и имена. Все время от кого-то убегали... Но своего настоящего места рождения и настоящего имени она мне так и не открыла. Ты знал ее настоящее имя?

– Нет... Когда я стал Хранителем, мне ее представили только по личному коду. Кстати, от нее я узнал твой личный код. Но... Она говорила о тебе в прошедшем времени!

– Что значит «в прошедшем»?!

– Твоя бабка объявила совету, что тебя нет в живых.

– Нет в живых? – удивилась Злата. – Но зачем? Михаил

пожал плечами.

Девушка замолчала. Теперь многое в их с бабушкой Настасьей долгой жизни бок о бок ей становилось ясным. Теперь было понятно, почему Настасья упорно молчала о Хранителях. Ведь она, Злата, для них умерла! Но зачем? Зачем старуха сделала это?!

– Ты меня так и не вспомнила? – тихо спросил Михаил. Девушка с удивлением посмотрела на него.

– Ну, напрягись... Берег моря. Пустынный пляж. Мальчик, выходящий из воды с огромной рыбой на трезубце.

– Афины... Помню! Это был ты?! – Злата порывисто обняла Хранителя. – Как здорово, что это был ты!

Они, перебивая друг друга, предались афинским воспоминаниям, потом сбивчиво заговорили о том, куда, на какие континенты и острова выносили их волны судьбы, пока вновь не прозвучало имя: Черный Охотник.

– Перед смертью Настасья, сказала, что он идет.

– Это невозможно, – ответил Михаил. – Ему сделали корректировку памяти. Если он еще жив, никаким Охотником он себя не ощущает. Твоя бабушка ошиблась.

Злата сразу успокоилась.

– А кто этот... Красавчик?

– Папа. Пахан. Или вор в законе. Из молодых. Из новых.

– Что они от меня хотели?

– А сколько у тебя денег на валютном счете? Я не говорю уже о заграничных счетах!

Злата промолчала.

– Вот то-то... Плюс, если бы осталась жива, они обложили бы тебя таким налогом... Рабство под крышей охранного агентства «Валькирия» – вот что тебя ждало. И никакие экстраспособности тебе не помогли бы.

– А ты? Как ты попал к ним?

– Очень просто. У Красавчика есть перстень с черным треугольным камнем.

– Треугольным?! – вырвалось у Златы.

– Именно! То, что Красавчик к Хранителям не имеет никакого отношения, это я понял сразу. Обыкновенный бандит. В Питере всего год, но сумел себя поставить. Потеснил кое-кого. Его побаиваются. Пять покушений за три месяца, а Красавчик живее всех живых. Ему просто по страшному везет! Чутье у него волчье. – Михаил потрепал Ральфа, оскалившего острые клыки, по холке и продолжал: – Но перстень! У Красавчика оказался перстень Хранителя! Пока разбирался что к чему, на горизонте появилась ты. Я бы тебя так и так вытащил. Но в машине вдруг понял, с кем на самом деле имею дело.

– А вот я не поняла, – отозвалась Злата. – Ты сказал: у Красавчика перстень Хранителя... Но перстень у меня! Как так может быть? Их что, два?

– Больше сотни. У каждого Хранителя есть такой же перстень, как у тебя. У меня он тоже был, но его сняли с пальца в долине Форш, пока я был без сознания. В каждом перст-

не – кристалл. Но только один – настоящий. Черный Охотник искал настоящий. Он охотился за Хранителями... Там какая-то темная история... Чрезвычайный совет признал его виновным в смерти чуть ли не десятка Хранителей. А по законам Содружества убийство карается корректировкой памяти.

– Так он был один из вас?

– Один из нас, дорогая, – поправил Михаил.

– Зачем ему кристалл? Что он дает? Зачем вообще было делать столько одинаковых перстней?

– Тот, кто владеет кристаллом, – владеет всем! Он может накормить всех голодных на планете, дать каждому все необходимое для счастливой (в житейском смысле слова) жизни и пошатнуть тем самым мировую экономику. Может пойти дальше и пустить эту самую мировую экономику под откос, к чертовой матери, заполонив планету всем чем угодно в умопомрачительных количествах. В конце концов, он может просто уничтожить Землю. Сказал парочку-другую кодов, и пожалуйста вам – конец света. Но для этого нужно опять запустить Большой генератор, сердцем которого и является кристалл...

– Большой генератор?... Запустить?... Постой, этот твой генератор... он случайно не в Тибете?

Михаил утвердительно кивнул.

– А можно с помощью кода получить... прямо из воздуха, скажем, кинжал?

– Можно и кинжал. А почему ты спросила?

– Так... Моя Настасья хотела подарить мне парочку кодов после... перед смертью, но не успела.

– Зачем тебе коды? Они все равно негодились бы. От «поля», которое вырабатывал генератор, давно остались одни воспоминания – так, жалкие остатки.

– А если я скажу, что твое «поле» сейчас вокруг нас?! Что бабушка нашла способ концентрировать его?

– Это невозможно по двум причинам! Первая: такие работы были категорически запрещены советом. И вторая: это невозможно в принципе.

– Проверь!

– Для этого нужно помнить хоть один код... Я не помню ни одного. Зачем забивать мозги всякой ерундой, тем более что есть «книга». Вот доберемся до нее и проверим. Хотя... Могу повторить еще раз: это невозможно. Пока кристалл в перстне, пока сердце генератора...

– Маленькое треугольное сердце большого-пребольшого генератора...

Злата вдруг поняла, что проболталась. Судя по всему, старая Настасья разрабатывала и держала рецепт отвара в тайне от всех остальных Хранителей. А она... То, что Михаил ей не поверил, девушку очень даже устраивало. Нужно было только увести разговор в сторону.

– Напрасно иронизируешь. У этого кристалла больше трех десятков измерений. В нашем трехмерном мире он вы-

глядит так. А как он выглядит на самом деле, каковы его истинные размеры? Это вопрос. Тот, кто владеет кристаллом, вполне может стать диктатором Земли. Это большое искушение. Противиться ему очень трудно. Никто из Хранителей не знает наверняка, что он хранит: фальшивку или настоящий камень. Будь я уверен, что у меня настоящий... Сомневаюсь, смог ли бы я устоять перед соблазном и не воспользоваться им в личных целях. Но у меня, к счастью, нет уже никакого... Представляешь, что будет, если хоть одна секретная служба узнает про генератор и кристалл? На тебя, на всех Хранителей начнется такая охота, что Черный Охотник со своими домогательствами покажется милым шалуном. Но, слава Богу, одного знания мало. Нужно еще поверить в такое. А мозги у землян устроены так, что поверить просто в чудо им легче, чем в техническое чудо... Ну а если поверят... Даже страшно подумать. Я бы сказал: если раньше мы хранили перстень для людей, то теперь храним его от людей!

– Но Настасья сказала, что кристалл – для Содружества Кольца. Что послан сигнал...

– Сигнал послан. Послан так давно, что никто уже не верит, что он дойдет... дошел по адресу.

– Что собой представляет Большой генератор? Почему его остановили? Что может «книга»? Вообще, как оказались на Земле Хранители? Почему они сами – все вместе – не запустят генератор, не возьмут власть на планете в свои руки и не объявят о наступлении «золотого века»? Почему...

– Стоп! Слишком много вопросов для первого раза. У нас будет достаточно времени для бесед на эту тему... – Михаил неожиданно вскочил на ноги. – Ничего не слышишь?

Злата поднялась, прислушалась. Стонали, сгибаясь под ветром, деревья. Шелестя, накатывали на берег волны Финского залива.

– Вроде все тихо.

– Тоже мне экстрасенс... Взгляни на Ральфа. Волк, оцетинившись, смотрел в темноту.

– Надо потихонечку уходить. Боюсь, Красавчику нужны уже не твои деньги, а наши жизни. – Михаил достал пистолет, вынул обойму, пригляделся. – Два патрона. Хватит для того, чтобы застрелить тебя и застрелиться самому...

Ральф вдруг сорвался с места и бросился вперед.

– Стой! – крикнула Злата.

Михаил зажал ей рот, повалил на землю.

– Ты что! – шепнул он ей в самое ухо. – Тихо! Где-то неподалеку раздался крик:

– Волки! Стас, стреляй!... А-а-а-а!!! Раздался выстрел, потом еще.

Повисшую внезапно тишину вдруг снова разорвал чей-то вопль. И снова выстрелы.

– Во дает твой приятель! – восхитился Михаил.

– Может быть, ты все-таки перестанешь меня обнимать? – спросила Злата.

Они лежали на траве в двусмысленной позе: Злата на спи-

не, Михаил на ней. Она чувствовала на себе тяжесть его тела, вдыхала запах его пота, который был ей приятен.

Михаил коснулся губами ее уха, щекотнув, укусил. Губы его закружили по лицу Златы и вдруг наткнулись на ее губы. Поцелуй был головокружительно долгим. Кажется, опять кто-то кричал. Опять раздавались выстрелы. Но Злата не хотела ничего этого слышать. Она почувствовала, как участилось дыхание Михаила, как его сильная рука нежно и требовательно стала гладить ее плечо, грудь, живот, бедро...

Внезапно перед ними появился Ральф. Он оскалил пасть, показав окровавленные клыки, и царапнул когтистой лапой Михаила.

– Светает... – сказал тот, поднимаясь. – Надеюсь, твой друг волк понимает, что с собой мы его взять не сможем.

Злата села. В голове еще шумело. По всему телу шла нестерпимая, изнуряющая волна... Она была зла на Ральфа и в то же время благодарна ему за то, что ничего не произошло.

– Он все понимает, – наконец ответила она. – Меня познакомила с ним бабушка, когда Ральф был еще щенком...

Она тоже поднялась на ноги.

– Я так полагаю, Ральф сделал за меня мою работу. Погони как не бывало. Теперь можно прогулочным шагом отправиться к новой жизни, которая ждет нас впереди.

Они добрались до автострады без приключений. Ральф затаился в кустах на обочине и оттуда грустными глазами смотрел на Злату. Было уже совсем светло: солнце взошло. Длинные тени деревьев перечеркивали шоссе, по которому на большой скорости проносились еще редкие в этот час машины.

– Ты ножку, ножку выстави вперед, – издевался Михаил. – Глядишь, кто-нибудь клюнет и остановится.

– Иногда мне кажется, что мир существует для того, чтобы досаждать мне, – сказала Злата. – Все! Если вот этот не затормозит, я применю силу! Клянусь!

Вишневый «жигуленок», не сбавляя скорости, пронесся мимо.

– Ну, держитесь! – рассердилась Злата. Она потрясла кистями, разогрела ладони.

Далеко впереди показалась машина. Скоро стало ясно, что это – джип.

– Ого, – оценил Михаил, – на ловца и зверь бежит. Джип замедлил ход и мягко затормозил. Кроме водителя, потного толстяка с короткой стрижкой, с золотой массивной цепочкой на шее, в машине больше никого не было.

Толстяк, ни слова не говоря, открыл дверцу.

Джип рванул с места. Из кустов выскочил Ральф и бро-

сился вслед за машиной.

Злата сердито махнула рукой – волк прыгнул в придорожную канаву и больше уже не появился.

– Тебя как зовут? – деловито спросил Михаил.

– Петруня, – послушно ответил толстяк.

– Это имя или фамилия?

– Фамилия. – Глаза у Петруни были остекленевшие, как будто он заснул и забыл закрыть их.

– Ну а имя-то у тебя есть? – не унимался Михаил.

– Зигфрид.

– Зигфрид Петруня?! Гениально!

Стрелка на спидометре качнулась за сто сорок километров.

– Чем занимаешься, Зигфрид? – продолжил допрос Михаил.

– Водку делаю.

– Что, подпольный цех?

– Четыре подпольных цеха.

– Ого! Да тебя прямо сейчас бери и сажай... Зигфрид! Мы устали и хотим есть. Как у тебя решен жилищный вопрос?

– У меня четырехкомнатная квартира на Вознесенском, трехкомнатная на Плеханова, двухкомнатная на Индустриальном...

– Достаточно. Нам подойдет четырехкомнатная на Вознесенском. Мы там поживем немножко. Ты вообще как, не против?

– Не против! Злата рассмеялась:

– Хватит приставать к человеку. Но насчет квартиры ты прав. Ко мне нельзя. Красавчик наверняка уже там. Честно говоря, я его побаиваюсь, хотя ни разу и не видела.

– И это говоришь ты?! Та, которая превращает независимых подпольных цеховиков в обыкновенных зомби?!

– Превращаю. Но это не всегда у меня получается. И самое главное, нужно время. Вот его-то может и не хватить в решающий момент...

– Смотри! – вдруг крикнул Михаил и показал на небо. Злата высунулась из окна, посмотрела вверх.

Прямо над джипом, на небольшой высоте, висело серебристое тело около десяти метров в диаметре. Объект не отставал и не обгонял машину. Летел беззвучно и от этого казался миражем. На Злату навалилась жуть – точно такая же, как тогда у бывшего Дома культуры пиццевиков, когда она пропадала под взглядом странной девушки по имени Светлана.

Злата закрыла глаза.

– Мне это кажется? Или это действительно «тарелка»? – пришел в себя Михаил. – Да-а-а! Бессонная ночь дает о себе знать.

Злата вновь открыла глаза. Над ними было чистое небо, если не считать нескольких ленивых туч. Джип вдруг стал тормозить.

– Патруль, – сказал Михаил. – Надеюсь, время у тебя есть!

Несколько гаишников и омоновцев с автоматами наперевес подошли к машине.

Они проверили документы у водителя и осмотрели салон.

– Никого не подвозили? – задал вопрос один из гаишников. – Мужчину и женщину.

– Да нет! Из Выборга гоню без остановок. А что случилось?

– Неподалеку опять разборки были. Восемь трупов. Если что-нибудь подозрительное – сообщите в ближайшее отделение.

– Есть, командир, – ответил Зигфрид, заводя мотор.

– Вот так! – прокомментировал Михаил, когда патруль скрылся из виду. – В милицию, в милицию... А на нас восемь трупов и перспектива оказаться за решеткой. А ты молодец. Экстрасенс без дураков... без дурочек!

* * *

Они с комфортом расположились в четырехкомнатной квартире на Вознесенском проспекте, которую им любезно «уступил» Зигфрид Петруня.

Видимо, Зигфрид в принципе ничего из вещей не воспринимал всерьез в единственном экземпляре. По несколько телевизоров в каждой комнате. Четыре музыкальных центра... Два рояля! В платяных шкафах – меньше трех одинаковых «тряпок» не висело.

– Уникальный человек Петруня, – после беглого осмотра квартиры сказал Михаил. – Он напомнил мне моего однокурсника, который носил наручные часы на обоих запястьях.

Первое, что они сделали, – смыли с себя всю грязь, которая налипла на них за эту длинную ночь. Зигфрид жил на широкую ногу. Ванна оказалась не просто ванной, а мини-бассейном с гидромассажем, подогревом и прочими возможностями. Злата получила настоящее наслаждение, куврякаясь в ней, подставляя под тугие водяные струи самые чувствительные части тела, сожалея о том, что не купила себе в дом на Каменном острове точно такую же.

Расслабиться окончательно мешала дверь. На ней не было ни задвижки, ни запора – ничего, что могло бы ее оградить от внезапного вторжения Михаила. Правда, она и сама не могла однозначно ответить себе, чего больше хочет: чтобы он вошел... вот сейчас, когда она, чистая, благоухающая, медленно, с наслаждением вытирается нескромным, как мужские руки, полотенцем, или чтобы он не смел входить ни под каким видом!

Закрутив волосы в узел, Злата повертелась перед большим, в человеческий рост, зеркалом, внимательно осматривая себя со всех сторон, нежно лаская свое похорошевшее после гидромассажа тело. Вздохнув, она надела только коротенький кокетливый махровый халатик, который выбрала из огромной стопки еще ни разу не надеванных халатов, и вышла из ванной.

– Твоя очередь, – небрежно бросила она Михаилу, как ни в чем не бывало сидевшему в кресле.

Михаил с готовностью поднялся. Прихватил полотенце, еще один махровый халат Петруни.

– А тебе без макияжа лучше, – заметил он. – Да, кстати, советую повнимательней исследовать квартиру. Наш Зигфрид, оказывается, большой проказник.

Михаил улыбнулся и скрылся за дверью.

Злата почувствовала подвох.

Исследования ее продолжались недолго. Рядом с кухней она обнаружила бывшую кладовку. Злата вошла в нее и обомлела. Она снова оказалась в ванной комнате. Вот ванная, в которой с блаженной улыбкой на лице плещется Михаил. Вот его махровый халат на вешалке... Злата покраснела до корней волос. Большое зеркало, перед которым она так долго демонстрировала себя, оказалось зеркалом только с той стороны! А с этой... С этой оно было обыкновенным стеклом в витрине!

В этот момент Михаил посмотрел на Злату и помахал ей рукой! Не помня себя от возмущения, она выскочила из кладовки и вмиг оказалась по ту сторону зеркала. Михаил смотрел на нее, пряча улыбку в переливавшейся всеми цветами радуги пене.

– Извращенец! – крикнула Злата, сделала шаг к Михаилу, размахнулась и ударила его по щеке. Нет, удара не получилось. Ладонь не нашла щеки – Михаил ловко увернулся.

Злата потеряла равновесие... и полетала прямо в ванну. Пена и брызги разлетелись во все стороны.

Смех Михаила, его руки, крепко и нежно обнявшие Злату, вмиг не оставили от ее возмущения и следа. Она еще сопротивлялась немножко, совсем немножко, для вида. Сказала пару раз «отпусти», но это уже означало «не смей меня отпускать ни в коем случае».

Халат прилип к коже и никак не хотел сниматься. Михаил разорвал его на части и высвободил гладкое, горячее, скользкое тело Златы. То, что они делали потом, было сплошным безумием. Воды в ванне почти не осталось – она вся выплеснулась на пол.

Из ванной они перебрались на большую, как аэродром, постель и там продолжили свои игры, не обращая внимания ни на шум улицы за окном, ни на ругань соседей за стеной. Даже телефонные звонки, нагло нарушавшие интимность момента, не в силах были помешать им.

Чувство реальности вернулось к ним тогда, когда опять воцарилась белая петербургская ночь.

– Есть хочу! – объявила Злата. – Одной любовью сыт не будешь!

В трех холодильниках, которыми заботливо окружил себя Зигфрид Петруня, они нашли все, что требовалось для обеда, ужина и завтрака одновременно. Было и шампанское.

– За знакомство, Хранитель, – сказал Михаил, поднимая изящный хрустальный фужер.

Злата сразу погрузилась, но повторила вслед за Михаилом:

– За знакомство! Раздался мелодичный звон.

– Не нравится мне твое настроение, – сказал Михаил, аппетитно вгрызаясь в куриную ножку, – м-м-м, ты прекрасно готовишь! Не понимаю, что ты скисла? Все отлично складывается. Завтра мы в Москве. А через неделю во Франции. Если тебе не нравится Европа, выбирай: Азия, Америка, Австралия... Что хочешь.

– Сегодня я должна была быть в клинике. У меня сотни пациентов. Завтра у меня занятия в школе экстрасенсов...

– Все, дорогая, – Михаил тоже посерьезнел, – можешь забыть про ту жизнь. Настоящая жизнь начинается только сейчас. Ты – Хранитель перстня!

На слове «перстень» Михаил сделал особое ударение. Злата поднялась из-за стола, встала у окна. – Что я должна делать? – спросила она.

– Прежде всего – кристалл... Если он настоящий...

– Что-что? – переспросила девушка, внимательно глядя в окно.

– Я говорю... Да куда ты все смотришь? – Михаил, вытерев руки о халат, тоже встал.

– Видишь эту красотку? – задала вопрос Злата.

На перекрестке, под светофором, стояла девушка. Стояла спокойно, словно кого-то дожидаясь. Мимо, не обратив на нее никакого внимания, прошла компания пьяных подрост-

ков.

– Она была вчера на моем выступлении. А после караулила меня у выхода. На выступлении она подошла ко мне. Я ее диагностировала. Ничего особенного. Легкое расстройство гормональной системы, которое было очень просто устранить. Но после выступления... Ты бы видел ее глаза! Она парализовала меня своим взглядом. Если бы не ваша машина, я не знаю, чем бы все это кончилось... Или... Она что, из вашей шайки?

– Я вижу ее в первый раз. Но то, что ты рассказала, очень серьезно. Что еще было вчера?

– Убили администратора Безобразова. Во время моего выступления.

– Вот так так... Я тебе могу сразу сказать: Красавчик не имеет к этому никакого отношения. Ты сама-то что думаешь?

– Ничего... Я еще не думала об этом. Сейчас я совершенно опустошена.

– Вот что... Мы не останемся здесь больше ни минуты. Они быстро прошли в спальню, где всего час с небольшим назад стонали в объятиях друг друга. Скинув почти синхронно халаты, Хранители начали одеваться, не спуская глаз друг с друга. Но обнаженные желанные тела чуть было не сыграли с ними злую шутку.

На Злате был только лифчик, на Михаиле – только носки, когда они, забыв обо всем, упали на кровать, лихорадочно

обмениваясь беспорядочными поцелуями и ласками. В какой-то момент рука Златы быстро и требовательно скользнула по шее и плечу Михаила; цепочки, на которой висел медальон – генератор биопомех – оборвалась, но ни он, ни она этого не заметили. Они уже были готовы пойти в своих излияниях чувств дальше – до самого конца, но вдруг раздался звонок в дверь.

Так же дружно, как сбрасывали халаты, они дружно вскочили с постели.

– Ты действительно ничего не можешь? Потри ладошки... – прошептал Михаил.

Злата прислушалась к себе.

– Мне нужно хотя бы минут пятнадцать, чтобы восстановиться. Не нужно было заниматься любовью.

– Нужно, нужно! Ручонки устали?... Так у нас есть две пары прекрасных ног. Ими мы и воспользуемся.

Где-то секунд через тридцать звонок в дверь повторился. Злата и Михаил были уже почти одеты. Окно спальни выходило на ту же сторону, что и окна кухни.

– Девки нет! – сказал Михаил, осторожно выглянув на улицу. Он отдернул занавески, открыл окно и высунулся.

Снова раздался звонок, и в дверь посыпались громовые удары.

– Здесь рядом – пожарная лестница. Всего два метра по карнизу. Сможешь?

Злата уверенно кивнула.

Удары в дверь становились все чаще и сокрушительней. Кто-то просто выламывал ее. Без лишних слов Михаил вылез из окна на узкий карниз и, осторожно ступая, пошел.

Он благополучно добрался до пожарной лестницы и стал ждать Злату.

Она в своем коротком черном платье, хранившем следы ночных приключений, в красном, с золотыми пуговицами блейзере, вымазанном соком травы, вылезая из окна... Зрелище было очень странным, эротичным и смешным. Злата сама чувствовала это.

Она тоже, делая короткие, осторожные шажки, добралась до лестницы. Михаил на полпути протянул ей руку.

– Дамы вперед, – шутливо приказал он.

– Я же говорила, что ты извращенец, – парировала Злата.

Меньше чем через минуту они были на крыше.

Она бросилась к распахнутому настежь слуховому окну.

– Сюда нельзя! – остановил ее Михаил. – Здесь нас могут ждать! Дальше!

Они пробежали по крыше, спустились на другую. Пробежали и ее почти всю.

– Сюда! – приказал Хранитель.

Злата и Михаил оказались на чердаке и, пробираясь вперед, распугивая спящих голубей, стали искать выход. Было темно, что-то жалобно хрустело под ногами.

– На всякий случай запомни... Бетельгейзе... – Михаил не закончил фразу. – Свет! – перебил он сам себя. – Выход

на лестничную клетку.

Но он ошибся. Свет шел из комнаты, совсем не похожей на чердачное помещение. Хранители поняли это слишком поздно, когда уже находились на середине.

– Ловушка! – крикнул Михаил. Он выхватил пистолет.

– Бросьте оружие. Это бесполезно, – раздалось за их спинами.

ГЛАВА 7

Эриксон обманулся. Перед ним лежала не Белла. Он понял это через несколько минут, когда чувства, захлестнувшие его, перестали заглушать голос разума.

– Это не она, – сказал капитан, и в голосе его слышалось и разочарование, и облегчение, – хотя очень похожа. Значит, они все-таки люди.

– Она жива?

Эва протянула к женщине руку.

– Кажется... она под колпаком. Сеньков тоже протянул руку.

– Скорее всего, это какой-то защитный экран.

– Иван, ты можешь работать в скафандре?

– Не знаю. Если не помешает защита.

– Попробуй определить, что с ней.

Сеньков стал медленно водить рукой вдоль экрана. Вмиг на лбу у него выступили капельки пота и участилось дыхание.

– Капитан! Она живая!

– Ты что делаешь?! – Эриксон бросился к Сенькову, но было уже поздно. Иван быстрым движением снял с головы шлем, швырнул его в сторону и стал стягивать скафандр.

– Он мне мешает, – улыбнулся цептунианин. Эриксон и Эва невольно отступили на несколько шагов.

– Тебе не следовало делать этого, – сказал Пол. – Мальчишество! Ты понимаешь, в какую историю влип?

Сеньков энергично растирал ладони.

– Я все понимаю, капитан. Биологи еще не сделали никакого заключения насчет атмосферы на звездолете... В воздухе что-то плавает – непонятно что. А меня ждет в лучшем случае карантин. В худшем я вообще не возвращаюсь на «Гею». А теперь попрошу не мешать!

Цептунианин встал в изголовье ложа и протянул к ней руки. Глаза его были закрыты. Тело слегка раскачивалось. Эриксон и Эва Смит, готовые к любым неожиданностям, внимательно наблюдали за действиями нового командира навигаторов. Пол осторожно достал оружие, поймав на себе поощрительный взгляд Эвы.

– Она живая, – медленно проговорил Сеньков, – но мозг ее чист. Вся информация стерта... Почти вся... Осталось только... Кажется, я понял. Это касается...

Фразу цептунианин не закончил: открылась дверь и в отсек с излучателем на изготовку влетел Полонский – напарник Сенькова. Александр направил оружие на капитана и выстрелил... Но, так же как у Эриксона несколькими минутами раньше, у нового первого помощника капитана оружие тоже дало осечку.

Сеньков резко обернулся на своего напарника. А Эриксон, досадуя на себя за то, что, как желторотый юнец, стоял и ждал, пока Полонский выстрелит в него, убрал свой излу-

чатель.

– Сначала надо думать, а потом стрелять, – пробурчал он. – И в следующий раз, будь любезен, проверь перед вылазкой оружие.

Капитан сразу же обратил внимание на то, что у него и у Полонского отказали излучатели. Такое бывало, но очень редко.

«Совпадение!» – сказал себе Эриксон и тут же забыл об этом, переключившись на незнакомку, так похожую на его покойную жену. Мысль, что нужно разобраться в причине осечек, мелькнула у него еще раз, но тут же исчезла без следа... Потом, много позже, капитан вспоминал этот эпизод не раз. И каждый раз приходил к выводу: если бы он выяснил, почему оружие отказалось стрелять, все пошло бы по-другому... Все сложилось бы менее драматично. Не было бы хаоса и потоков крови, не было бы падения в пучину варварства и долгого мучительного возрождения... Нужно было только ответить на простой вопрос: почему оружие дало осечку?!

– Да я проверял... – Полонский недоуменно повертел в руках излучатель. – То есть... Я же чуть не убил вас, капитан... Иван куда-то пропал, не отзывается... И еще такая жуть навалилась...

Только сейчас первый помощник понял, что напарник стоял перед ним без скафандра.

Возникла немая сцена, которую нарушил голос Жана Браге:

– Семнадцатые! Поднимайтесь-ка на последний уровень. Мы здесь такое нашли! На эту штуку стоит посмотреть. Такой грандиозности я еще никогда не видел.

– Мы тоже кое-что нашли, – отозвался Эриксон. – Гуманоида... Женщину...

– Что-что? – не понял Жан.

– Мы нашли человека. Женщину.

– Хорошенькая? – раздался чей-то голос.

– Ноги длинные? – подхватил другой.

– Замолчать, животные, – осадил всех командир десантников. – Ты не шутишь, Пол? Мы обшарили уже весь звездолет. Ни одной живой души.

– Какие шутки! Она без сознания. Точнее... Сеньков говорит: ее мозг пуст. Стерта память.

– А он-то откуда знает?

– Иван снял скафандр...

– Час от часу не легче. Иду к вам.

* * *

Перед будуаром – так вмиг окрестили помещение, где лежала незнакомка, – выстроилась настоящая очередь. Все, кто был на чужаке, и мужчины и женщины, прямо с ума посходили – хотели видеть прекрасную инопланетянку, хотя каждый из них повидал на своем долгом веку немало...

Кое-кто из экипажа «Геи» помнил контакты с торнами –

гигантскими разумными ящерами. Дело многотысячелетней давности, закончившееся настоящей большой войной, в которой торны вполне могли победить... Да что там – стереть с лица вселенной только-только зарождавшееся Содружество. Но в самый решающий момент ящеры вдруг отказались от борьбы и исчезли. Просто взяли и исчезли вместе со своей планетой и всей звездной системой, хозяевами которой они были.

Кто-то не мог забыть планету Грѐз с ее неправдоподобно прекрасными двуполыми обитателями. Планета Грѐз! Это был настоящий рай. Воздух там, казалось, пропитался флюидами безопасности, беззаботности... самого настоящего животного довольства. И казалось, флюиды эти были живыми! Как потом выяснилось, так оно и было. Человек, побывавший на планете, заразился странной, неизлечимой болезнью. Он пребывал в не проходящем ощущении счастья, сладострастного непрерывного горения, лишаясь сна и аппетита. Такие люди могли жить только на Грѐзе. На Алдане, на любой другой планете Содружества они погибали.

А кое-кто из геян мог похвастаться, что нес патрулирование в секторе «Г». Правда об этом уголке вселенной давно превратилась в легенду, сказку. Сектор «Г» ничем не отличался от всех остальных. Звездная система с пятью планетами, вторая из которых была пригодна для жизни. Экспедиционный крейсер, открывший ее, совершил несанкционированную посадку и замолчал. Его ведомый вызвал спасателей,

которые тоже замолчали, лишь только коснулись планеты. Когда число пропавших звездолетов достигло полутора десятков, комиссия по аномальным явлениям наложила запрет на посещение этого участка вселенной. Но для всех искателей приключений он стал самым лакомым кусочком. Ходили слухи, что того или иного астронавта с очередного исчезнувшего звездолета видели на самых дорогих планетах Содружества, что эти астронавты расшвыривали деньги направо и налево. А когда в одном из исторических архивов была найдена единственная прижизненная фотография легендарного Масаро Сайто и весь космический флот Содружества единодушно признал в самом богатом человеке прошлого капитана экспедиционного крейсера, открывшего сектор «Г», его – сектор – пришлось охранять уже с помощью оружия. Здесь явно пахло временными аномалиями, если не сказать больше: перемещениями во времени. И чем это могло кончиться для безопасности Содружества Кольца, одному Богу было известно...

Десантники, дождавшиеся своей очереди, выходили из будуара притихшие, с вытянутыми лицами. Сходство незнакомки с женой капитана «Геи» сбивало с толку. Большинство было уверено, что перед ними и есть Белла Эриксон.

– Очень похожа. Очень, – сказал Жан, отводя Эриксона в сторону, – такое ощущение, что это на самом деле она.

– У меня тоже, – признался Пол.

– Почему ты позволил Сенькову снять скафандр, капи-

тан? – строго спросил Жан Браге, меняя тему.

– Это произошло слишком неожиданно. Скафандр мешал ему работать.

– Ты, наверное, и сам понял, что Сеньков – твоя ошибка. Столько сил затратить, чтобы включить его в экспедицию... Что касается меня, я никогда не доверял цептунианам. Эти экстрасенсы – непредсказуемый народ. А Сеньков к тому же еще и тщеславен. Вот увидишь, он еще попьет нашей кровушки... – Жан вздохнул. – Что ты думаешь с ним делать, капитан? Для нас Сеньков теперь потенциально опасен. Карантинного модуля нет. Пускать Ивана на корабль нельзя. Я бы

не хотел получить второй крейсер «Смелый». Как вспомню, просто жуть берет.

– Я, честно говоря, в растерянности. Сеньков уже чужой. В него вошло нечто. Будь моя воля, я бы... Но ему симпатизирует половина команды. Я не могу тронуть Сенькова даже пальцем. И так поговаривают, что я свел личные счёты с цептунианином, сделав его командиром навигаторов... Есть только одно решение: оставить Сенькова здесь. Но я сильно подозреваю, что он сам этого хочет...

– Ситуация... – протянул Жан. – Если хочет, пусть остается. В конце концов...

– В том-то и дело, что одного его оставлять нельзя, – покачал головой капитан. – Здесь масса вещей, о назначении которых мы представления не имеем. А Сеньков уже что-то

знает. И видимо, хочет узнать еще больше.

– Да, ситуация, – высказался опять Жан. – Хочет узнать – пусть узнает. В конце концов, всегда можно уничтожить вражеский звездолет вместе со всем содержимым – не впервой!

Эриксон с интересом посмотрел на Жана.

– Пожалуй... – согласился он. – Сеньков не вернется на «Гею», пока не будет четкого ответа от биологов, как влияет на человека вещество в атмосфере чужака.

Командир десантников кивнул.

– Ты ничего не сказал о своей находке, Жан!

– Да-да... Мы нашли очень странное сооружение... Очень странное... Я ничего подобного никогда еще не видел. Даже ума не приложу, для чего эта штука была им нужна. Это точно не двигатель. С двигателем мы уже разобрались. То, что мы нашли, с точки зрения функциональности совершенно бесполезная конструкция. Это... такое... большое... оно...

– Ладно, – перебил Пол Жана, – лучше один раз увидеть.

– Берлиц! Каедов! – окликнул командир двух молодых людей – видимо, самых толковых из десантников. – Пойдете с нами. Остальным продолжить осмотр!... Да не бабы, животные! Звездолета!

Пол хотел взять с собой Эву – почему-то он чувствовал свою вину перед ней за то, что инопланетянка была похожа на Беллу, – поискал ее глазами, но не нашел.

Они дошли до лестницы и стали подниматься наверх.

– Нет! Эти ребята точно владели телепортацией. Или мы

имеем дело с кораблем, принадлежавшим цивилизации мазохистов! – сказал слегка запыхавшийся командир десантников.

Наконец они добрались до самого верхнего уровня и вошли в дверь, послушно открывшуюся перед ними, – тут же вспыхнул яркий рассеянный свет. Небольшая площадка без перил, на которую они попали, казалось, парила над бездной. Десантники находились под самым куполом огромного отсека, имевшего цилиндрическую форму.

– Ей-богу, они еще и летали, – вырвалось у Эриксона. Не обращая внимания на противное щекотание в мышцах

ног, капитан подошел к самому краю платформы, посмотрел вниз, но ничего не увидел. Мощности всех источников света, включая их собственные, не хватило, чтобы осветить дно гигантского колодца. Мерещился только один слабый красный огонек, который Пол принял за оптический эффект. По всему периметру странное сооружение было покрыто каким-то материалом темного цвета. Когда Эриксон пригляделся повнимательней, то понял, что это никакой не материал, а тонкие, еле различимые волокна. Они беспорядочно переплетались между собой и еле заметно шевелились.

– Может, это оранжерея какая? – предположил десантник по фамилии Каедов.

– Или большая сушилка, – высказался Берлиц.

«Я ошибся! – подумал Эриксон. – Это не самые толковые

десантники. Просто самые сильные».

– Надо вернуться сюда в тяжелых скафандрах и сойти вниз, – сказал Эриксон. – Вещи, назначения которых я не знаю, смущают меня.

– А меня пугают, – отозвался Жан Браге.

* * *

Примерно часа через два отряд десантников покинул чужой звездолет, оставив на его борту Сенькова и приставленных к нему Берлица и Каедова как самых сильных.

– Ты знал, на что идешь, Иван, – сказал напоследок Эриксон. – Биологи сделают все, чтобы вытащить тебя отсюда.

– Не переживайте за меня, капитан. Звездолет большой... Я найду, чем заняться.

В этих словах Сенькова Пол почувствовал некий намек пополам с издевкой. Он тут же вспомнил, как, просканировав мозг незнакомки, Иван сказал, что он что-то там понял. Понял что? Эриксон спросил об этом впрямую, но Иван извинился:

– Ошибка вышла... Просто померещилось...

Но капитан ему не поверил. Какую-то информацию все же экстрасенс с Цептуна снял с мозга, который он объявил «почти пустым». Какую? Не просто же так он расстался со скафандром! Ведь он понимал, что рискует жизнью! Так ради чего он рисковал своей жизнью? Ради какой информации?

«Задавать ему вопросы бесполезно, – сказал себе Эрик-сон. – Он уже что-то решил. У него есть какой-то план. Ни-чего. Мы тоже кое-что придумаем».

– Глаз с него не спускайте, – предупредил Пол Берлица и Каедова. – Передавайте непрерывный видеосигнал на «Гею». Через шесть часов вас сменят.

На выходе Эриксона ждала еще одна загадка. Жан Браге не удержался и вскрыл контейнер, которых в отсеке, похо-жем на склад, было несколько сот, если не больше.

– Узнаешь, семнадцатый? – спросил командир десантни-ков

– Похоже, это те самые волокна, покрывающие «сушил-ку»?!

– Да. Если в остальных контейнерах то же самое – вопрос: зачем они тащили их с собой?

Эриксон чуть было не застонал.

– Меня утомили эти вопросы без ответов, – проговорил он. – Все!... На «Гею»!

* * *

Вернувшись на крейсер, капитан первым делом органи-зовал непрерывное наблюдение за Сеньковым. Для этого, кроме двух десантников, которых цептунианин-экстрасенс запросто мог вывести из строя, воспользовавшись свои-ми сверхспособностями, были задействованы несколько де-

сятков зондов-разведчиков. Пол распорядился нашпиговать ими все переходы вокруг каюты, выбранной Сеньковым в качестве, как он сам сказал, камеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.